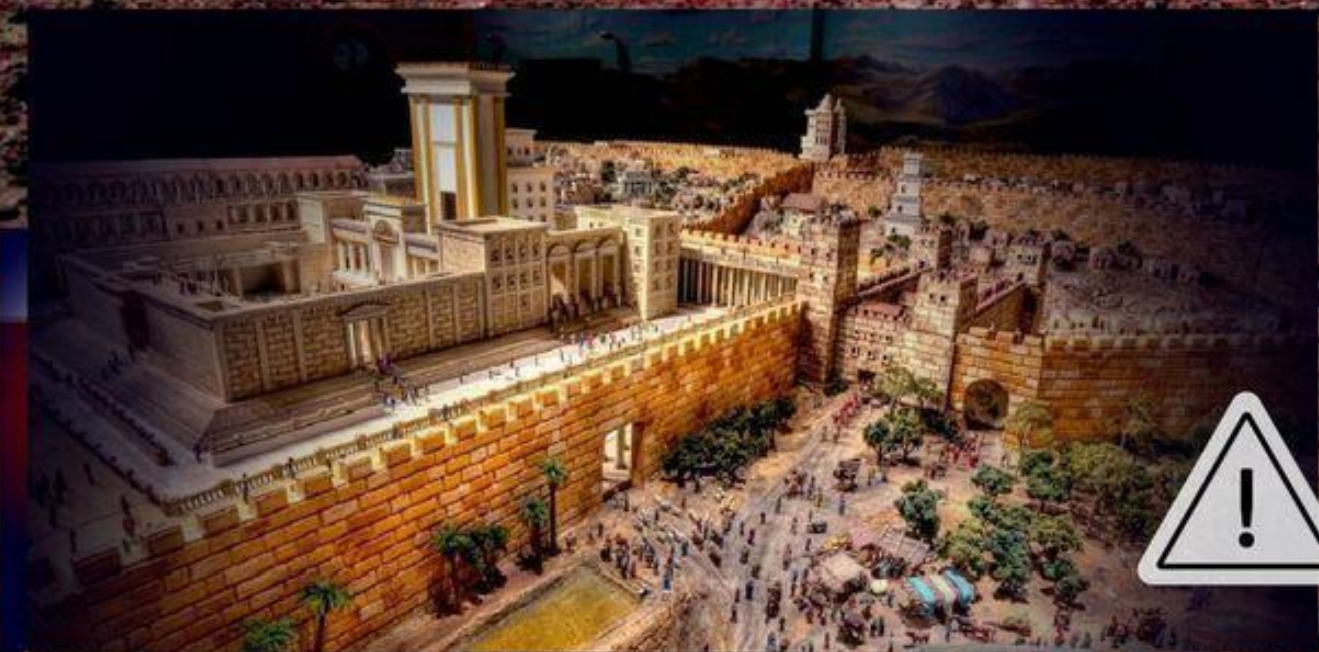

18+

Сергей Телевный

SEN. Книга

*Почти научная фантастическая
с прологом и эпилогом*

Сергей Телевный

**SEN. Книга. Почти
научная фантасмагория
с прологом и эпилогом**

«Издательские решения»

Телевный С.

SEN. Книга. Почти научная фантасмагория с прологом и эпилогом
/ С. Телевный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686138-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В квартире журналиста Сергея Новикова раздаётся
ночной телефонный звонок, в результате которого он оказывается
вовлечённым в головокружительную авантюру, сулящую исправление
последствий трагедии, произошедшей 9 лет назад... В книге есть и перипетии
любовных приключений героя, и путешествие во времени, и даже
космические пришельцы... Немного поэзии, капелька истории, чуть-чуть
философии, риторические и реальные вопросы и открытый финал: чем всё
заканчивается — решать читателю...

ISBN 978-5-00-686138-1

© Телевный С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие электронной библиотеки «Ридли»	6
Предисловие редактора	8
Пролог	9
Глава первая. Приключение началось	10
Глава вторая. Джо	13
Глава третья. Мегиддо	29
Конец ознакомительного фрагмента.	45

SEN. Книга

Почти научная фантасмагория с прологом и эпилогом

Сергей Телевный

© Сергей Телевный, 2026

ISBN 978-5-0068-6138-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почти научная фантасмагория с прологом и эпилогом

* * *

Disclaimer: Все персонажи произведения являются вымышленными, любое совпадение с реальными людьми — случайно. Книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и табака. В ней содержатся изобразительные описания некоторых противоправных действий, но такие описания являются исключительно художественным, образным и творческим замыслом и не служат призывом к совершению запрещённых действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и табачных изделий. В случае необходимости, пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи в борьбе с вредной зависимостью.

* * *

Предисловие электронной библиотеки «Ридли»

Уважаемые читатели, есть книги интересные, а есть — очень интересные. К какой категории отнести эту — решать вам. Насколько захватывающей внимание станет она, можно выяснить, прочитав несколько глав. Искренне надеемся, что лежащая перед вами книга окажется непохожей ни на одну из уже прочитанных в этом жанре. Автор создаёт ментальный образ, используя в описании детали, штрихи, символы, с помощью которых читатель достраивает описанное в произведении пространство в своём воображении. Все события, изложенные в книге, логически взаимосвязаны, развиваются динамично и последовательно, вовлекая читателя в захватывающий круговорот происходящего. На протяжении всего романа нет незначимых образов, деталей, лишних фраз. Обилие используемых литературных приёмов несколько удивляет, но именно благодаря их многообразию произведение становится более выразительным и контрастным. Интригует нить сюжета, которую хочется распутать, и именно она в конце становится действительностью с неожиданным поворотом событий. Открывающийся смысл настолько ярок и многообразен, что читатель, сталкивающийся с ним, оказывается некоторым образом изумлённым и поражённым. В процессе чтения появляются отдельные домыслы и догадки, но связать их воедино не удаётся, и лишь в конце всё становится на свои места.

Рассказчик старается показать индивидуальные черты характера каждого действующего лица, заинтересовать читателя его внешностью, судьбой, окружающей обстановкой, погрузить в неповторимую атмосферу, в которой действуют персонажи. С помощью описания событий с разных сторон, множества точек зрения, автор постепенно развивает сюжет, что, в свою очередь, увлекает читателя, не позволяя скучать. Благодаря использованию намёков, малозначимых деталей постепенно вырастает главное, целое, убеждая читателя в реальности происходящего. Незатейливый и понятный стиль произведения постепенно приводит к неожиданному финалу и может удивить даже искушённых читателей. Умело подобраны характеры и образы действующих лиц, знакомство с которыми происходит по ходу развития сюжета, невольно заставляя проникнуться самыми искренними симпатиями и переживаниями. Сюжет разворачивается в живописных местах, которые становятся почти родными и словно бы знакомыми с детства. Динамичный сюжет, эксцентричные, часто внезапные, события и непредвиденная развязка, оставляют в сознании читающего массу ярких эмоций. Хитросплетения сюжета могут сперва не открыться читателю, и не сразу позволяют догадаться о замысле автора. Сюжетные повороты напоминают настоящую жизнь, и порой создаётся впечатление того, что видишь зеркальное отражение настоящего.

Написанное воспринимается с неподдельным волнением, и, хотя практически каждый шаг, каждый нюанс подсказан автором, результат всё равно удивляет. Через видение главного героя окружающий мир в воображении читающего вырисовывается ярко, красочно, просто красиво. Главный герой романа быстро вызывает одобрение и сочувствие, с лёгкостью начинаешь представлять себя на его месте и сопереживаешь вместе с ним. Ощущается определённая особенность, попытка выйти за рамки основной идеи и внести ту неповторимость, благодаря которой появляется желание вернуться к прочитанному. Интрига настолько запутанна, что, несмотря на встречающиеся подсказки, довольно сложно угадать путь, по которому пойдёт сюжет. Автор не спешит преждевременно раскрыть идею произведения, но через действия при помощи намёков в диалогах постепенно подводит к ней читателя. Текст наполнен деталями, бытовыми подробностями, но, благодаря отсутствию тяжеловесных описаний, книга читается довольно легко. Темы любви и ненависти, добра и зла, дружбы и вражды, в какое бы время они ни затрагивались, всегда остаются актуальными и насущными. Роман пронизан тонким юмором, и этот юмор, будучи одной из форм изложения, способствует лучшему пониманию и восприятию происходящего.

Надеемся, что затронутые в книге проблемы не оставят читателя равнодушным.

Предисловие редактора

Текст, который сейчас находится перед вами, представляет собой дневник журналиста Сергея Новикова (Нойманна), а также записи из его электронного блокнота, переданные редактору и обработанные частично самим автором, частично — редактором (автор предоставил последнему такое право). Следует заметить, что автор — журналист, профессиональный литератор, хорошо владеющий искусством рассказа, поэтому редакторская правка сводилась практически к сокращению длиннот в некоторых местах. Выполнять литературную обработку текста не было необходимости (за исключением двух-трёх мест в блокноте). Опущены описания интимных сюжетов, в которых автор излишне физиологично и подробно излагает эротические частности своих отношений с женщинами, однако редактор считает необходимым ограничить возрастную категорию читателей пометкой «18+».

Исправлены, где это возможно, отдельные специальные термины, используемые автором не вполне точно.

Некоторые, упоминаемые в повествовании автором, книги не найдены редактором (например, «Betty Cates. The Tea Party at the Mad Hatter», а также сборник фантастики «Времена выбирают»).

Редактор даёт ссылки ко многим персоналиям и понятиям, приводимым в тексте; редакторские сноски даются без примечания; ссылки автора помечены словами *примеч. автора*. Довольно большое количество ссылок (возможно, несколько затрудняющее чтение текста), как мне кажется, не должно смущать: искушённый читатель может без ущерба для восприятия их пропустить. Стихи, не отмеченные ссылками, принадлежат автору. Компоновка эпизодов повествования осуществлена редактором в соответствии с сюжетной линией (в черновике автора — в хронологическом порядке). Научные (и околону научные) высказывания оставлены практически без корректуры, сообразуясь с выбранной автором логикой повествования. Рассуждения автора (или его героя) о морали, политике и прочих материях также оставлены без изменения. В процессе работы над рукописью редактор осуществлял творческий контакт с автором почти до момента его исчезновения.

Все ли события, описанные в повести (так автором обозначен жанр произведения, но, скорее, это — роман), имели место, неизвестно; впрочем, автор имеет полное право на творческий вымысел. Вопрос о дальнейшей судьбе автора (или его героя) остаётся открытым, читатель вправе сам выбрать кажущийся ему наиболее вероятным вариант будущего.

Имена и географические названия в большинстве случаев даются в традиционно русском написании.

Редактор выражает надежду, что его осторожное вмешательство не исказило сути авторского замысла, и предлагает полученный результат на суд читателя.

Семён Фридман

* * *

You have to make the good out of the bad because that is all you have got to make it out of.

Robert Penn Warren. All the King's Men¹

* * *

¹ Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать (англ.). «Вся королевская рать» — роман американского писателя Роберта Пенна Уоррена (1905—1989), изданный в 1946 г. Название романа — строка из англ. детского стихотворения про Шалтая-Болтая (англ. Humpty Dumpty). А. и Б. Стругацкие взяли эту фразу эпиграфом к фантастич. повести «Пикник на обочине» (1972). Мне фраза показалась очень подходящей и к моей повести; полагаю, Стругацкие не возражали бы (примеч. автора).

Пролог

Тогда избранным будет дана мудрость, и они все будут жить и не согрешат опять ни по небрежности, ни по надменности, но будут смиренными, не согрешая опять, так как имеют мудрость.

Книга Еноха, 1:21

Солнце только что взошло над равниной, лежащей к северо-западу от города Урука — столицы страны Киэнги. Жара ещё не опалила землю, роса на траве блестела, словно осколки горного хрусталя. Стояла звенящая тишина, временами нарушаемая негромким треском цикад; высоко в небе парил орёл, высматривая добычу. Небольшое стадо газелей мирно паслось, пощипывая траву...

Внезапно в западной стороне неба возникла белая светящаяся точка, которая, быстро увеличиваясь, приближалась к земле. Достигнув видимых размеров куриного яйца, она замедлила свой полёт, и сразу раздался такой грохот, будто гром ударил где-то совсем рядом. Газели рванулись с места и стремительно умчались прочь, орёл тоже довольно быстро удалился за горизонт. Теперь стало видно, что «яйцо» — это громадное тело, более всего похожее на сплюснутую тыкву, сверкающее на солнце, словно полированное серебро. Оно зависло в воздухе на высоте около 20 куш (локтей), затем из его нижней части выдвинулись четыре суставчатые ноги, которые, приноравливаясь к неровностям почвы, обеспечили горизонтальное положение блестящего тела. «Тыква» — примерно 30 куш в поперечнике — застыла на подпорках, как гигантский казан на тагане. В нижней её части образовалось круглое отверстие диаметром примерно в два локтя; из него, разворачиваясь, выползла гибкая лестница, коснулась земли и застыла. Из люка показалась человекообразная фигура, облачённая в сверкающий наряд, увенчанная шарообразным шлемом с затемнённой передней частью. Пришелец не спеша спустился по ступенькам и шагнул на землю.

За ним исподтишка наблюдал крестьянин, вышедший спозаранку на поиски отбившейся от стада овцы и в ужасе спрятавшийся за кочкой на расстоянии около 200 куш от места приземления...

Затем круглоголовый пришелец что-то проделал с продолговатым предметом, который был у него в руке, и отошёл от лестницы на 20 куш. Сразу после этого из летающей «тыквы» показались две такие же фигуры, но без шлемов. Боги (а это, вероятно, были они), облачённые в сверкающие на солнце одеяния, спустились по лестнице; вокруг их голов светился ореол, переливающийся разными цветами. Рядом с ними появились, видимо, их рабы — одетые так же, но без ореола над головой. Эти слуги стали выгружать из летучей «тыквы» какие-то то ли ящики, то ли сосуды прямоугольной формы со скруглёнными углами. Потом они начали строить что-то похожее на дом из странных длинных предметов, вынутых из ящиков... На глазах у изумлённого скотовода появился каркас, быстро обросший оболочкой, также сверкающей на солнце. Вскоре дом был готов, и рабы стали заносить в него другие ящики; что было в них бедный крестьянин даже не пытался представить...

Инопланетянам, прибывшим на Землю, предстояла нелёгкая работа: нужно было разместить и надёжно смонтировать все привезённые устройства с расчётом на многовековое ожидание момента их использования и создать нужного носителя генотипа, который в необходимый момент воспользуется всем этим с определённой ими же целью...

И этот *избранный* вышел на арену действия спустя сорок пять веков...

Глава первая. Приключение началось

*У меня зазвонил телефон. Кто говорит?..
Корней Чуковский. Телефон*

*«It's my life, It's now or never,
But I ain't gonna live forever,
I just want to live while I'm alive...»*

Я ненавижу эту песню, особенно, когда она доносится из моего телефона, причём в три часа ночи. Вон Jovi «хочет жить», а я вот прямо сейчас хочу сдохнуть. Надо было слушать родителей и идти учиться на адвоката. Но нет, это же не для меня. Мне нужно было забраться в самую клоаку человеческих профессий. Со стороны это всё, конечно, выглядит благородно и нужно, а на деле... Вонь и грязь! И вот мне уже тридцать три, а я умею лишь копаться в грязи и вынюхивать вонь. Ну, да, особенно это раздражает сейчас, когда голова трещит после вчерашнего...

«*My heart is like an open highway...*» — боже, как я не хочу брать трубку этого проклятого телефона. Может, не брать? Выключить телефон, задёрнуть шторы, запереть дверь на все замки (на все два замка), для верности подпереть её шкафом. Погасить свет и уснуть... Или опять не смогу? Нет, я не про телефон, не шторы, не дверь, с этим бы проблемы не было. Уснуть... Раньше я и не думал, что это так сложно. Просто приходил домой, ужинал, наливал кружку чая, брал в руки книжку, и глаза сами закрывались. А что теперь? Я прихожу, и у меня нет сил ни на книгу, ни на чай, ни даже на ужин, а уснуть не могу. Раньше были кошмары, а теперь нет даже их — почти нет...

«*...Got to make your own breaks...*» — чёрт, зачем я это делаю? Зачем я тяну руку к этому телефону?! Номер незнакомый.

— Алло...

Тишина в трубке, слабый шорох, еле слышное завывание эфира... И, вроде, очень тихий голос, монотонно говорящий (читающий?) что-то неразборчивое. Чего они хотят? Кто они? Чёрт, я становлюсь идиотом.

— Алло, чёрт вас раздери! — хрипло рычу в телефон. Трубку не кладут, но и не отвечают. Я, как дурак, продолжаю держать аппарат возле уха, хотя понимаю, что разговора не будет; что-то меня удерживает. Ситуация иррациональная, в духе Эдгара По... А чего я хочу? Что надеюсь услышать? А ведь надеюсь, разрази меня гром! Ну, всё, понеслось, уже и думаю как в дешёвом чтиве. Да пропадите вы все пропадом, уроды! И тут, когда я уже занёс дрожащий палец над кнопкой отбоя, прозвучал тихий, но внятный женский голос:

— Сергей?

— Да...

— Не отключайся. Слушай внимательно. Не перебивай.

От неожиданности я теряюсь и не нажимаю кнопку. Голос так же монотонно продолжает:

— Оденься, возьми документы, выйди из дома, садись в машину, поезжай на Приморское шоссе, четырнадцатый километр. У километрового столба выйди из машины; жди, к тебе подойдут. Выполняй всё строго по моим указаниям. Для тебя это очень важно. Ты можешь всё исправить. Никому не говори об этом звонке. Всё.

Короткие гудки. С полминуты я тупо сижу, держа трубку у уха. Ситуация, мало того что глупая, просто дебильная. Отдаёт какой-то киношной дешёвкой...

Однако надо принять какое-то решение. Первое, что приходит в голову: это чей-то глупый розыгрыш. Чей? Перебираю в уме друзей, знакомых. Да нет, что за идиотизм! Ну кто может так примитивно шутить? Женька, Илья? Бред! В голову неожиданно приходит мысль: а что, если принять правила этой игры и посмотреть, что получится? Чем я рискую? А чёрт его знает! Тем не менее, я почему-то поднимаюсь, иду в туалет, чищу зубы, одеваюсь, накидываю куртку, кладу в карман телефон, фонарик, паспорт и права, беру с журнального столика ключи от машины и направляюсь к выходу. Что я могу исправить? Неужели... да нет, чертовщина какая-то. Да что, дьявол побери, со мной происходит? Это что — гипноз, НЛП, зомбирование?... Думая так, закрываю входную дверь, нажимаю кнопку вызова лифта, спускаюсь к машине. И только, вставив ключ зажигания, внезапно начинаю дико хохотать. Идиот! Ну, и что дальше? Вдруг вспоминаю, что не выключил свет в прихожей, но не возвращаюсь, а выжимаю сцепление и давлю на педаль газа. Машина срывается с места. На ходу открываю «бардачок» и проверяю, на месте ли моя «Беретта»...

Приключение началось!

Как там поёт Bon Jovi: *«Это моя жизнь... Моё сердце словно открытое шоссе...»* Ну, вот оно — открытое шоссе. Приморское... Так, какой там километр? Ага, четырнадцатый. Торможу, останавливаю машину, выключаю фары, вылезая... Чёрт, темно как у афроамериканца в кишечнике! Понемногу глаза начинают адаптироваться к темноте. Вижу километровой столб. Никого. Чувствую, как начинает захлёстывать злость. Идиот! Купился на дешёвую шутку, кретин, дебил, недоумок! Что теперь? А ничего, сесть в машину и гнать обратно! Идиотская натура, всё-таки профессия определённо накладывает отпечаток на поступки человека! Журналиста (а что вы хотите — вторая древнейшая профессия!) — он и здесь взял верх над здравым смыслом. Тянусь рукой к ручке дверцы своего «Ауди», и вдруг боковым зрением замечаю, что из мрачной черноты за столбом вырисовывается тёмный же, но не столь мрачный силуэт... Этот силуэт начинает приближаться. Я напрягаю зрение, постепенно проявляются контуры фигуры в тёмном плаще (или накидке) с капюшоном на голове. Жду, фигура подходит ко мне; вижу в свете подфарников, что это, кажется, довольно высокая женщина, лица не видно под капюшоном.

— Приехал? Молодец! — говорит она тем же, что в телефоне, но неискажённым (и довольно приятным) голосом. — Отгони машину на просёлочную дорогу, припаркуй на обочине и запири. Потом иди за мной, не отставай. — И, видя, что я продолжаю стоять как столб:

— Шевелись! У нас мало времени.

Я подчинился, словно во сне залез в кабину, включил зажигание и выполнил её приказ, то есть отогнал, припарковал, запер. Догнав свою «начальницу», я двинулся вслед за ней в сторону от шоссе, в темноту. Моя провожатая, довольно хорошо ориентируясь во мраке, быстро шагала по полю, ни разу не споткнувшись; я же несколько раз попадал в какие-то ямки и спотыкался на кочках, вполголоса чертыхаясь. Мы шли минут пятнадцать, сначала по полю, потом углубились в лесок (я включил извлечённый из кармана куртки фонарик) по тропинке, которая, петляя, вывела нас на довольно большую поляну. На ней стоял... небольшой двухместный вертолёт. Моя спутница открыла дверцу (в салоне зажёгся свет) и предложила мне забраться внутрь; я в нерешительности стоял без движения, она подтолкнула меня к кабине. Пришлось залезть на пассажирское сидение, места было явно мало — ноги упёрлись в переднюю панель. Она уселась в кресло пилота и спустила с головы капюшон. Я увидел загорелое лицо красивой девушки с карими глазами и слегка припухлыми губами, увенчанное шикарной шапкой чёрных волос. Подумал: как же она шла одна, не боясь, ночью через лес?

— Как Вас... тебя зовут? — ничего более оригинального я не придумал. Она мимолётно улыбнулась одними уголками губ и сказала:

— Лилиан. Можно — Лили.

— Лили, а куда мы полетим?

— Недалеко. Здесь поблизости, — она сделала неопределённый жест левой рукой, — наша *база*; там тебе всё объяснят. А это — наш вертолёт — «Guimbal Cabri»; не бойся, машина надёжная. Пристегнись и надень это, — она подала мне защитный шлем.

Очевидно, она приняла мою заторможенность за страх; я не стал её разубеждать. Лили захлопнула дверцу (свет в кабине погас), надела такой же вертолётный шлем и, пощёлкав тумблерами, а затем нажав кнопку «пуск», завела двигатель. Коротко поговорив, очевидно, с диспетчером, она двинула рычаг газа. Мы с грохотом поднялись в воздух. Летели около 20 минут, пилотесса отлично справлялась с управлением вертушкой. Вскоре впереди показалась освещённая прожекторами посадочная площадка; мы снизились, и Лили, снова связавшись с диспетчером, виртуозно посадила машину.

Глава вторая. Джо

*Мир мужчины и мир женщины — два параллельных мира,
пересекающихся в плоскости постели.*

Аркадий Давидович

Нас встречала не менее красивая, чем Лили, женщина лет тридцати, одетая в камуфляжную брючную форму без знаков различия. У неё были каштановые волосы, заплетённые на затылке во «французские спиральки».

— Hi! — широко улыбаясь, приветствовала она меня. — My name is Jocelyn. Jocelyn Henderson. I'm from Portland, Maine (Привет! Меня зовут Джослин. Джослин Хэндерсон. Я из Портленда, штат Мэн).

— Nice to meet you (Приятно с Вами познакомиться). I'm Serge Novikov, Yuzhnomorsk. Джослин, — я сразу стал называть её по имени, — ты, случайно не из потомков пассажиров «Мэйфлауэра»? — зачем-то спросил я (естественно, по-английски; честное слово, я не хотел подковырнуть её, как-то само вырвалось).

— Yes. How did you guess? (Да. Как ты догадался?) — она явно была удивлена и польщена одновременно. — My ancestors arrived in New England in 1620 (Мои предки прибыли в Новую Англию в 1620 году).

— Very cool!

— Сергей, Джослин введёт тебя в курс дела, — сказали Лили, — а я пока вас покину. — Помахав ручкой, она удалилась.

Мне вдруг показалось, что я её где-то раньше уже встречал, но где и когда — вспомнить не удавалось... Джослин жестом пригласила меня следовать за ней, и мы направились к зданию, похожему на ангар, возвышавшемся метрах в пятидесяти от нас. Внутри здание и оказалось ангаром, в котором стояли ещё один вертолёт, побольше, и маленький двухместный самолёт (как выяснилось впоследствии — это был «Элитар-202»). На их дверцах красовался логотип «NZO» (я вспомнил, что и на «нашей» вертушке были те же буквы). Кроме того, там парковались легковые автомобили разных марок — около десятка. Одна стена была загромождена большими коробками, помеченными теми же тремя буквами, рядом стоял автопогрузчик Samsung.

— Да у вас тут приличный авиа- и автопарк, — удивлённо пробормотал я.

— Здесь ещё не все наши устройства, — ответила Джослин. Мы прошли через зал и оказались перед металлической дверью, за которой была лестница, ведущая вниз; спустились на четыре пролёта и оказались в большой комнате, уставленной десятком компьютерных столов, за одним из которых сидела симпатичная еврейка, брюнетка лет двадцати трёх, в таком же камуфляже. Джослин подвела меня к соседнему столу и указала на кресло, стоящее рядом.

— Серж, извини, что вытащили тебя из постели ночью, но на то были причины, поверь мне. А теперь, пожалуйста, покажи свои документы, — попросила она с такой же широкой улыбкой (дежурной американской — отметил я), что и при встрече. Я протянул ей извлечённые из кармана водительское удостоверение и паспорт. Она мельком просмотрела их и оставила у себя.

— А загранпаспорт у тебя есть? — поинтересовалась она.

— Есть, но он остался у меня дома.

— Ты можешь дать мне ключи от машины и квартиры и написать свой адрес? — она протянула мне листок бумаги и ручку.

— Зачем? — удивился я.

— Наша сотрудница, — она кивнула в сторону соседнего стола, — отгонит твою машину к дому и привезёт твой паспорт.

— А куда мне придётся ехать?

— Я тебе это расскажу позже, а пока прошу поверить: всё, что тебе придётся сделать, для тебя так же важно, как и для нас, — она обвела рукой зал. Несколько обескураженный, но почему-то сразу поверивший ей, я достал ключи и, черкнув на бумажке адрес и код домофона, протянул Джослин.

— Паспорт лежит в верхнем ящике моего письменного стола, там же — зарядка для телефона, надо захватить; ящик не закрыт. Да, и ещё, у меня остался гореть свет в прихожей, — я кивнул в сторону брюнетки, — попроси свою сотрудницу, — я улыбнулся, — пусть выключит, если её это не затруднит. И вот что ещё, — я замаялся, — у меня в «бардачке» лежит... пистолет, пневматический, можно его забрать и отнести домой, в ящик стола?

— ОК, — она не удивилась и отдала приказания девушке. — А теперь пойдём, я покажу тебе твою комнату.

В сопровождении Джослин я вышел из компьютерного зала. Мы поднялись на два пролёта и вошли в коридор с десятком дверей на одной из стен. На «моей» двери была табличка «203». Джослин открыла её ключом, и мы вошли в маленькую прихожую с двумя дверями, слева оказался санузел, справа — небольшая комната с кроватью, накрытой голубым покрывалом, тумбочкой (на которой стоял ночник — матовый шар на короткой ножке), столиком, креслом и небольшим холодильником; на стене висел плоский телевизор (24 дюйма — прикинул я на глаз). В противоположной стене был встроенный шкаф-купе.

— Располагайся, можешь принять душ и переодеться, — с очередной улыбкой сказала моя провожатая, — я зайду через полчаса.

С этими словами она вышла, прикрыв за собой дверь. Я открыл шкаф — в нём висели на плечиках две рубашки (белая и кремовая), тёмно-синий спортивный костюм «Adidas», серая футболка, ещё какие-то шмотки; внизу стояли кроссовки «Reebok» (из любопытства я взглянул на размер — 44-й! как они узнали?); на полке лежала стопка постельного белья. В тумбочке нашлись полотенца и бельё: майки, трусы и носки. Да они всё предусмотрели! Чёрт! Значит, я застряну тут надолго... Решив пока не комплексовать по этому поводу, я, захватив бельишко, двинулся в душ. Там тоже было всё тики-таки: туалетное мыло, шампунь, гель для душа, дезодорант, зубная паста, щётка, запечатанная в полиэтилен электробритва, лосьон — можно культурно чилить... Принял душ, переделся в тренировочный костюм, взял в холодильнике банку пива (оказалось голландское — «Grossmeister»), сел в кресло, взяв в руки пульт, и включил дуроскоп. На «России 24» начались «Вести» (было 5 часов утра). Я узнал, что: вчера, 15 сентября, в Кемерово в память о погибших в результате пожара в торговом центре «Зимняя вишня» открыли «Парк ангелов», в Улан-Удэ на митинге против полицейского беспредела и за повторные выборы мэра города около тысячи протестующих встретили губернатора Бурятии Цыденова криками «Позор!» и «В отставку!», соседний президент-комик — Грепенский — что-то такое вякнул в адрес нашей страны и т. д. В это время раздался стук в дверь (я разрешил войти) и появилась Джослин. My God! Она была одета в ярко-жёлтую футболку с красными буквами «NZO» на груди и бежевую, очень короткую, мини-юбку (кажется, это называется микро), под которой выделялись идеально стройные ножки в колготках телесного цвета, обута она была в изящные перламутровые туфли-лодочки. Увидев мою обалдевшую физиономию, она расплылась в своей ослепительной улыбке и спросила, готов ли я пойти с ней. Я, всё ещё пялясь на её красивые ноги, кивнул, потом запоздало попросил подождать — мне нужно переодеться. Она сказала, что это не обязательно. Я выключил ящик, и мы пошли. По дороге я поинтересовался, что означают буквы на выпуклостях её футболки; от них (букв, конечно) трудно было отвести взгляд.

— «New Zealand Oranges»? («Новозеландские Апельсины»?) — сострил я.

— «Netherlands Zebra» Organization (Организация «Нидерландская Зебра») — с улыбкой ответила Джослин.

— Вы поставляете непарнокопытных из Голландии? — всё ещё пытался шутить я.

— Нет, — она снова улыбнулась (если она будет так интенсивно улыбаться при каждом слове, у неё скоро появятся мимические морщинки — подумалось мне), — наша организация продаёт прозаические матрасы и маты для спортзалов.

Я вспомнил коробки у стены ангара и кивнул, правда, абсолютно не понимая, для чего я мог понадобиться фирме, торгующей «уссатыми полосатыми». Мы пришли в небольшое помещение, в котором были четыре столика, на четыре места каждый, и барная стойка, за которой, правда, никого не было. Указав мне на один из столиков, Джослин подошла к кофемашине, вставила капсулу и включила её; через несколько минут она повторила свои манипуляции, и вскоре передо мной стояла чашка горячего ароматного кофе. Взяв вторую чашку и прихватив за стойкой упаковку крекеров, она уселась напротив меня.

— Ты пьёшь кофе с сахаром? — поинтересовалась Джослин. Я кивнул, она передала мне пакетик сахарного песка. Мы выпили кофе, я поблагодарил и поинтересовался, что дальше? Она взглянула на меня, улыбнулась своей голливудской улыбкой и сказала:

— Серж, выслушай меня, по возможности, не перебивая.

Я напрягся — такое начало не предвещало хорошего продолжения.

— Мы, — она неопределённо повела рукой вокруг, — занимаемся не только бизнесом. Ещё одним полем деятельности нашей организации является сбор информации, — она заметила, что я нахмурился, и продолжила, — нет, ты не понял, мы не разведка, нам нужна информация другого рода. Мы ищем людей (точнее, человека), которые избраны для выполнения величайшей *миссии* в истории человечества. Я пока не могу открыть тебе её суть, ты узнаешь о ней в своё время, — она заметила моё недоверие и закончила, — скоро. А пока отдохни немного, в 8 часов я тебя приглашу на завтрак.

Затем меня проводили до двери моей комнаты. На моё предложение зайти Джослин, лукаво улыбнувшись, покачала головой. Я вошёл в the chamber и, скинув кроссы, плюхнулся на кровать, прямо на покрывало. На часах было 5:30 — можно пару часов покемарить, если удастся заснуть...

Видимо, я всё-таки задремал, потому что разбудил меня стук в дверь. Я вскочил и, на ходу приглаживая волосы, открыл. На пороге стояла Джослин — снова в униформе и, как всегда, с улыбкой до ушей.

— Morning! — радостно приветствовала она меня.

— Hi! — подавляя зевоту, сонно отвечивал я. Попросив её подождать пару минут в кресле, я отправился в санузел, захватив свою одежду. Через шесть минут, умытый, побритый и одетый в свою рубашку и джинсы, я предстал перед Джослин. Мы пошли в кафешку, в которой были рано утром. Там уже сидели за столиками две девушки в такой же униформе, за стойкой стояла ещё одна — в белой блузке.

— Morning! — обратилась к ним Джослин. Я тоже пробормотал что-то вроде «hello», изобразив подобие улыбки. Они в ответ кивнули, тоже улыбнувшись. Мы уселись за один из столиков, и нам подали завтрак: яичницу с помидорами и сыром, тосты, сливовый джем и апельсиновый сок. Поинтересовавшись, буду ли я есть яичницу, и получив мой кивок в ответ, Джослин приступила к завтраку; я последовал её примеру.

— Скоро, — она взглянула на часы, — начнётся рабочий день. Я должна тебя познакомиться с нашими сотрудницами.

— А что, у вас здесь одни женщины работают? — спросил я.

— В основном, да. А ты что-то имеешь против?

— Нет, совсем даже наоборот, — я усмехнулся, — приветствую такое положение дел. Но женщины совершенно по-другому подходят к решению... некоторых проблем, чем мужчины.

— Хуже?

— Нет, просто по-другому. По-моему, женщин стоило бы выделить в отдельный подвид *Homo sapiens femina* (человек разумный женский) в отличие от *Homo sapiens masculinum* (человек разумный мужской).

— Почему? Из-за анатомических особенностей или, может быть, физиологических? — она опять улыбнулась.

— Скорее психологических... К тому же женская логика настолько отличается от мужской, что заслуживает того, чтобы быть предметом научного исследования; представляешь, сколько диссертаций можно защитить по этой теме...

— Have you read John Gray? Men are from Mars, Women are from Venus? (Ты читал Джона Грэя? Мужчины с Марса, женщины с Венеры?)

— Да, но я бы не стал расселять женщин и мужчин на разные планеты; я за мирное сосуществование, — теперь уже улыбнулся я. Джослин залиvisto рассмеялась:

— Я вижу, Серж, ты не сторонник раздельного обучения девочек и мальчиков, не так ли?

— Ни в коем случае! — я сделал испуганное лицо, чем вызвал очередной взрыв смеха. С ней положительно было легко общаться. — Но ведь ты не станешь отрицать и тот факт, что самая первая женщина — некая мисс Пандора — выпустила из горшка (или ящика, как принято говорить) в мир все несчастья? Причём, надежду она в народ почему-то не пустила...

Она комично нахмурилась и развела руками, как бы отстраняясь от этого события.

— А вообще, название *Homo sapiens* — это несколько нагло звучит, скорее подошло бы видовое имя *Homo feras* — Человек дикий, так как большинство населения нашей планеты относится именно к этой категории.

Джослин снова улыбнулась. Мы направились в компьютерный зал.

— Послушай... Джо — можно я буду тебя так называть?

Она кивнула.

— Мне надо позвонить своему начальству — сегодня понедельник, и я должен быть на работе.

— Позвонишь. И вот что скажешь: тебе необходимо срочно уехать, внезапно появилась возможность побывать в Израиле, грех упускать такой случай. Попроси оформить отпуск на месяц — ты же в этом году ещё не использовал отпуск.

Мелькнула мысль: откуда она всё знает? Немного обалдевший от такого поворота событий, я спросил:

— В Израиль? А... зачем мне туда? И откуда ты знаешь, что я...

— Не был в отпуске? Ну, мы о тебе знаем довольно много. Например, что ты корреспондент газеты, как её... «Yuzhnomorskiye Vedomosti», извини, если неправильно назвала — у вас такие сложные наименования. У тебя есть публикации в ваших региональных издательствах и даже в столичной газете. Знаем, что твой отец — профессор-ориентолог, что фамилия твоего great grandfather — Neumann. И ещё — девять лет назад ты потерял любимую девушку, Helen Lisovsky (я правильно произнесла?), прости за это напоминание, мне очень жаль, — она уже не улыбалась.

Я похолодел. Твою мать! Да они собрали на меня полное досье! Ничего себе, пердимонкль!

(Это не ругательство. На всякий случай поясню: слово «пердимонкль» происходит от «perdu monocle» — «потерянный монокль», или «perdit monocle» — «потерял монокль», и имеет два значения, восходящие к двум легендам. Первая: в старом театре, ещё до Станиславского, существовал такой дешёвый приём: когда актёр хотел изобразить сильное удивление, он вскидывал брови вверх, отчего монокль выпадал из глазной впадины и падал на сцену. Поэтому слово «пердимонкль» означает нечто, вызывающее сильное удивление. Вто-

рая: однажды некая знатная старуха на каком-то большом приёме нечаянно уронила монокль в суп. Здесь «пердимонокль» означает неприятную неожиданность).

Не шпионы, как же! Чёрт, кажется я влип в полное shit, причём по самые balls и даже выше! Откуда они узнали про Лену? Мысли путались, видимо, я побледнел и изменился в лице, потому что Джо схватила меня за руку как раз там, где у меня был шрам, и встревоженно заглянула мне в глаза:

— Serge, are you OK?

Меня всегда умиляло, когда в американских триллерах и боевиках кому-либо, пережившему серьёзное потрясение и, к тому же, жутко пострадавшему, задавался этот дежурный вопрос. На миг почувствовал себя Рэмбо и даже улыбнулся:

— Yes, I'm fine.

Она отняла руку и, увидев отметину, спросила:

— What's it?

— Бандитская пуля. Так вы следили за мной! — Я вдруг вспомнил какого-то типа, ошивавшегося возле моего дома и двинувшегося за мной, когда я вышел из подъезда, направляясь в супермаркет; у магазина он постоял, делая вид, что смотрит по сторонам, дожидаясь моего выхода, после чего сопровождал меня к дому моего знакомого. Тогда я не придавал значения этому событию, а сейчас вдруг понял — это была откровенная слежка, меня элементарно пасли как киношного профессора Плейшнера! — Значит, не разведка? Какого хрена вы за мной следили? Что вам от меня нужно? Схема расположения нашей стратегической противоракетной обороны? А blueprints of the «Satan» missile system? (Чертежи ракетного комплекса «Сатана»?) Можете пытаться, вырезать звёзды на спине, но я ничего не скажу! Вихри враждебные веют над нами! Вставай, проклятьем заклеймённый!.. Freedom for Angela Davis! Красная армия всех сильнее! Смерть буржуям, да здравствует мировая революция! — произнеся эту пламенную речь, я встал в позу Наполеона, гордо подняв голову и скрестив руки на груди.

Джо дико захохотала и тоже остановилась, не в силах идти дальше. Отсмеявшись и аккуратно промокнув уголки глаз платочком, схватила меня за руку и, наконец, смогла произнести:

— Ты неподражаем, Серж! Трейси Морган по сравнению с тобой — жалкий зануда (позже я погуглил и узнал, что это американский телеактёр-комик). У тебя талант комика мирового класса; обещаю, что подумаешь над дальнейшей карьерой юмориста.

Не удержавшись, она чмокнула меня в щёку — не скажу, что это было неприятно. Правда, она сразу же спохватилась и отодвинулась от меня, бормоча извинения.

— Не извиняйся, я прекрасно понимаю твои чувства ко мне, — милостиво разрешил я, — но, всё-таки, объясни, для чего нужна была слежка за мной? Только без этого дерьма насчёт little green men; да, и извини за некоторую несдержанность, не мог удержаться, — завершил я свой крик души.

— Поверь мне, — она опять улыбнулась своей улыбкой а-ля Cameron Diaz, — ты всё скоро узнаешь... в Израиле. И для тебя это будет приятным сюрпризом, я не шучу.

Не зная, что ответить, я почёл за благо хмыкнуть что-то неопределённое типа «Oh well...» История приобретала черты дурного детектива. Прямо Hollywood какой-то...

Мы вошли в компьютерный зал; за столами сидели семь симпатичных девушек, включая тех двух из кафе и давешнюю брюнетку.

— Доброе утро, дамы! Разрешите представить вам нашего гостя, Сергея Новикова.

Красотки в ответ синхронно улыбнулись. Далее выяснилось, что брюнетку зовут Дарья, симпатичную шатенку — Наташа, блондинку — Валерия; имена остальных девушек были: Джин, Юлия, Татьяна и Бетти. Затем Дарья была отправлена выполнять поручение по доставке моего паспорта; остальные продолжили работу за компьютерами. Мы с Джо покинули зал и направились наверх. Поднявшись в ангар, подошли к самолётику, Джо открыла дверцу, забра-

лась на место пилота и пригласила меня занять пассажирское, я подчинился; места в кабине было маловато, ноги пришлось поджать.

— Серж, — её улыбка, которая мне уже нравилась, озарила лицо, — на этом самолёте ты полетишь в Москву, — и, видя недоверие, написанное на моей физиономии, пояснила:

— С дозаправкой в Воронеже. Самолёт поведёт Лилиан, ты её знаешь, — она снова улыбнулась...

В 9:20 я позвонил главреду и попытался объяснить ему суть моей просьбы. С первого захода ничего не вышло, очевидно, у него началась летучка, в трубке был слышен галдёж; пришлось повторить — реакция была соответствующая: сейчас самая запарка, возьмёшь отпуск через неделю и т. д. Я объяснил, что очень нужно, такой случай больше не повторится, через месяц вернусь и сверну горы, в общем, бла-бла-бла. Короче, удалось уломать старика. Потом позвонил отцу и наплёл ему то же самое, то есть про внезапно подвернувшуюся поездку на Святую Землю. Джо была довольна и снова чмокнула меня в щёчку, уже не извиняясь. В ответ я молча повернул её лицом к себе и поцеловал в губы, ожидая сопротивления, но его не последовало. Она лишь внимательно взглянула мне в глаза и промолчала, слегка улыбнувшись.

Затем мы вышли из ангара на улицу. Солнце стояло уже довольно высоко, было тепло — приятная осенняя погода. При свете дня я увидел, что на стене ангара над воротами висит спутниковая тарелка, а на воротах намалёваны те же три буквы — «NZO». А ещё, что периметр огорожен колючей проволокой.

— Abatis? (у америкосов это ограда из колючей проволоки). Matratzewald? (А это я намекнул на сходство с Бухенвальдом). А ток пропущен? — криво ухмыльнувшись, кивнул я в сторону «колючки». И тут меня понесло:

— Не забудьте написать над воротами «Jedem das Seine».

Джо уже без улыбки посмотрела на меня и ничего не ответила. Но я уже выпустил пар и замолчал. Мы молча дошли до ворот в ограде, которые оказались открытыми, и вышли на свободу. Я первым нарушил молчание:

— Прости меня, Джослин, сорвался; больше этого не повторится, — я взял её за руку. Она не вырвала её и посмотрела на меня каким-то новым взглядом, понимающим и более мудрым, что ли.

— Я не сержусь. Но постарайся немного сдерживать свои порывы.

Я чмокнул её в щёку:

— Мир?

— Да, зароем топор войны.

— Кстати, Джослин, как к тебе официально обращаться: мисс или миссис Хэндерсон? Или лучше — миз? (так по инициативе феминисток нейтрально обращаются к любой женщине англосаксы). Ты, вообще-то, замужем?

— Я разведена, и зови меня Джо. ОК?

— Yeah, — я улыбнулся.

Мы прошли немного по полю и вернулись обратно, к ангару.

— Я тебя покину на время — дела. Подожди Дарью, она вернётся, — Джо посмотрела на часы, — часа в два; пока можешь отдохнуть.

— Джо, извини, можно мне на время выделить один из компьютеров — я начал работать над книгой, пока жду — хотел бы кое-что набросать.

— ОК, я распоряжусь. Подойди к Наташе, она говорит по-русски, — и, улыбнувшись и махнув ручкой, она, доставая смартфон, подошла к одной из машин, стоящих у стены. Я вернулся в компьютерный зал и подошёл к шатенке.

— Наташа?

Она подняла на меня густо подведённые зелёные глаза:

— Да, — по-русски.

— Джослин разрешила мне поработать...

— Да, пожалуйста, — Наташа встала и, подойдя к соседнему столу, включила компьютер. Выбрав учётную запись гостя и набрав пароль, она встала и пригласила меня, указав на кресло, — вот, прошу Вас.

— Можно на «ты». Я — Сергей.

— Да, я знаю... Сергей.

Девушки за другими столами, улыбаясь, бросали на нас любопытные взгляды. Я сел и, открыв Word, попытался сосредоточиться, что было нелегко под таким пристальным вниманием нескольких пар девичьих глаз. Но постепенно удалось собрать мысли, и я погрузился в работу, вспоминая и фиксируя события моей жизни...

Около часа дня Натали (я решил называть её так) пригласила меня на обед; кстати, я почему-то отметил, что она, в отличие от других девушек, не пользовалась духами — от неё пахло чистым и свежим женским телом. Мы сели за один столик, нам подали кушанья. Меню было таким: салат из зелени с лососем и яйцом, грибной крем-суп, рибай-стейк с запечённой капустой и соусом, яблочный пирог и сок манго.

— У вас очень вкусно кормят, — похвалил я местную кухню.

— Спасибо, Сергей, — сказала она, улыбнувшись, — мне тоже нравится.

— Скажи, Натали, а что ты делаешь сегодня вечером? — спросил я, изобразив обольстительную улыбку ловеласа.

— Ты хочешь пригласить меня в кино? — откровенно издеваясь, спросила она.

— Да, то есть не в кино, а ко мне в номер, посмотрим телевизор, сыграем в картишки — в «66», в шахматы, — я решил подыграть ей.

— Как-нибудь в другой раз.

— Ну, в другой, значит, в другой; всегда к вашим услугам, — согласился я. Мы вернулись к своим компам.

Я успел набросать кое-какие заметки и размышлял над тем, кому их отправить, не без основания полагая, что из-за границы мне будет сложнее передать их. Остановившись на Семёне — редакторе новостей, с которым у меня были неплохие отношения, я уже собирался спросить у Натали, как мне войти в сеть, и в это время появилась Дарья в светлой кожаной курточке и джинсах. Она подошла ко мне и с улыбкой протянула мой загранпаспорт и зарядку от телефона.

— Даша... Можно я буду тебя так называть? — обратился я к ней. Она кивнула, и я продолжил:

— Милая Даша, скажи мне, пожалуйста, ты выключила свет в прихожей?

— Да, Сергей, и дверь закрыла на два замка, а машину поставила во дворе под окнами. И твою артиллерию убрала в стол; кстати, «Беретта» — как настоящая, — приятным грудным голосом ответила девушка и снова улыбнулась, протягивая мне ключи.

Чёрт возьми, у них тут всем приказано улыбаться, что ли?

— Ты — молодец, возьми на полке пирожок... с гвоздями, то есть, я хотел сказать, с повидлом, — коряво пошутил я. Она в ответ вежливо улыбнулась.

— Даша, скажи, как мне подключиться к интернету? — я кивнул на монитор своего компа. — Хотелось бы пообщаться с... одним моим знакомым.

— Сейчас я всё узнаю, — она достала из кармана куртки телефон, соединилась, как я понял, с Джослин, выслушала её ответ и сообщила мне:

— Я сейчас всё организую, но ты должен пообещать, что не сообщишь никому о том, где ты и куда вскоре отправишься. Можешь воспользоваться почтой или текстовыми сообщениями в мессенджерах, видеосвязь не используй. Ясно?

— Чего ж не ясного-то. Всё очень даже ясно. Предельно...

Дарья подключила меня к браузеру (Google Chrome — отметил я) и, улыбнувшись, отошла от моего стола. Я вошёл в Mail.ru, набрал адрес Семёна, написал пару слов о том, что я ему посылаю, и прикрепил docx-файл со своими заметками. Нажав «отправить», облегчённо вздохнул.

Через полчаса Дарья подошла ко мне вместе с блондинкой лет тридцати, Валерией, которая оказалась психологом.

— Сергей? Можно Вас так называть? — поинтересовалась Валерия.

— Можно, — милостиво разрешил я, — а Вас, вернее, тебя — я буду звать Лерой, идёт?

— Ну, хорошо, — дежурная улыбка. — Пойдёмте... пойдём со мной, — она указала рукой на свой стол. Мы подошли, и она предложила мне сесть в кресло, стоящее рядом, а затем — пройти тестирование, ответив на ряд вопросов; я согласился. Мне были заданы вопросы типа: часто ли вы испытываете потребность лгать окружающим и воровали ли вы когда-нибудь что-либо в супермаркете.

Я догадался, что это тест на девиантное поведение (сейчас спросит, — подумал я, — не возникало ли у меня мыслей о суициде, — и точно — спросила), и отвечал на вопросы совершенно от балды — как я понимаю, никакой системы в моих ответах ей выявить не удалось. Затем, усмехнувшись, она вывела на монитор картинку в виде чернильной кляксы. Тест Роршаха — с ходу определил я (эта фигня мне знакома чуть ли не с пелёнок — у моего одноклассника мама работала психоневрологом в диспансере, все эти картинки с дурацкими кляксами мы с ним рассматривали ещё в пятом классе) — сразу стало скучно. Валерия попросила меня отвечать на вопросы под каждой картинкой, я откровенно забавлялся, делая вид, что думаю над вопросами, на самом деле тыкая наугад в кружки с вариантами ответов. Пройдя весь тест, я притворно вздохнул с чувством облегчения после трудной работы. Результат, как и следовало ожидать, получился безнадежный: мои ассоциации не укладывались ни в одну схему (ни животные, ни люди, ни даже infernally-фантастические существа не всколыхнули моё воображение).

— Сергей, это модифицированный психодиагностический тест Роршаха, — Валерия иронически улынулась, — но ты, как я вижу, забавлялся, проходя его. Ну, что ж, оставим это для более примитивных *экземпляров*, — последнее слово она выделила интонацией. — Меня интересует вот что. От тебя потребуется запомнить кое-какие *события*, — тоже выделила голосом, — которые потом нужно описать максимально объёмно, в мельчайших подробностях. Вот эту способность — запоминать — мы сейчас и попробуем проверить, если, конечно, ты опять не будешь паясничать.

Несколько пристыженный, я виновато склонил голову.

— Я сейчас прочту тебе два отрывка — на английском и немецком, ты ведь владеешь этими языками?

Я кивнул.

— Попробуй запомнить и пересказать на русском их содержание. Итак, фрагмент первый:

«I find thee apt;
And duller shouldst thou be than the fat weed
That rots itself in ease on Lethe wharf,
Wouldst thou not stir in this. Now, Hamlet, hear.
«Tis given out that, sleeping in my orchard,
A serpent stung me; so the whole ear of Denmark
Is by a forged process of my death
Rankly abus'd; but know, thou noble youth
The serpent that did sting thy father's life

Now wears his crown»

(из I акта шекспировского «Гамлета»).

Я начал переводить:

— «Я нахожу тебя подходящим, и ты был бы тупее жирного сорняка, легко гниющего на пристани Леты, если бы не вмешался в это...» Стоп. Нет, так не пойдёт! Слушай:

«Вижу, ты готов;
Но даже будь ты вял, как тучный плевел,
Растущий мирно у летейских вод,
Ты бы теперь воспрянул. Слушай, Гамлет;
Идёт молва, что я, уснув в саду,
Ужален был змеей; так ухо Дании
Поддельной басней о моей кончине
Обмануто; но знай, мой сын достойный:
Змей, поразивший твоего отца,
Надел его венец».

— О! Отлично! Вот второе стихотворение:

«Ich denke dein, wenn mir der Sonne Schimmer
Vom Meere strahlt;
Ich denke dein, wenn sich des Mondes Flimmer
In Quellen malt.
Ich sehe dich, wenn auf dem fernen Wege
Der Staub sich hebt;
In tiefer Nacht, wenn auf dem schmalen Stege
Der Wanderer bebt.
Ich höre dich, wenn dort mit dumpfem Rauschen
Die Welle steigt.
Im stillen Hain da geh ich oft zu lauschen,
Wenn alles schweigt.
Ich bin bei dir, du seist auch noch so ferne.
Du bist mir nah!
Die Sonne sinkt, bald leuchten mir die Sterne.
O wärst du da!»

(«Близость любовников» Гёте).

Я напрягся, припоминая, и выдал:

«Блеснёт заря, а всё в моем мечтании
Лишь ты одна,
Лишь ты одна, когда поток в молчании
Сребрит луна.
Я зрю тебя, когда летит с дороги
И пыль и прах,
И с трепетом идёт пришлец убогий
В глухих лесах.
Мне слышится твой голос несравненный

И в шуме вод;
Под вечер он к дубраве оживленной
Меня зовёт.
Я близ тебя; как не была б далёко,
Ты всё ж со мной.
Взошла луна. Когда б в сей тьме глубокой
Я был с тобой!»

По-моему, Лера была немного ошарашена... Однако, собравшись с мыслями, продолжила:

— Пойдём дальше. Посмотри на картинку, — она вывела на экран цветное изображение здания с треугольным фронтоном, украшенного колоннами; слева росли деревья, справа располагался пруд, на глади которого виднелись несколько лодок с пассажирами и гребцами; краешек солнца, выглядывающий из-за кучевых облаков-барашков довершал композицию. — Даю тебе две минуты, постарайся запомнить максимальное количество деталей этого пейзажа.

Я уставился на картину, мысленно приказав себе отключиться от внешнего мира, сосредоточившись исключительно на прямоугольнике монитора. Окружающее стало нерезким, внешние звуки приглушились, осталось только изображение, чёткость которого возросла в десятки раз — я видел даже трещинки на колоннах здания. Внутренние часы отсчитали 120 секунд, я отвёл глаза от экрана. Лера удивлённо взглянула на меня, запоздало убирая картинку.

— Ну-с, начнём, — она заглянула в бумажку, извлечённую из кармана. — Сколько колонн у дворца?

— Двенадцать, — не задумываясь ответил я.

— С какой стороны от здания растут дубы и сколько их?

— Слева, четыре.

— Сколько лодок ты видел?

— Пять.

— А сколько всего людей в лодках?

— Двенадцать, — я заметил растерянность, промелькнувшую в её взоре.

— А тени от предметов тянутся слева направо или наоборот?

— Наоборот, справа налево.

— Сколько облаков видно на картине?

— Три. Большое — загораживает солнце, два маленьких слева от него. На поверхности пруда кувшинки — пять штук. Шляпа у ближнего гребца — фиолетового цвета. Ещё вопросы будут?

Я откровенно красовался перед ней — смотри, какой я супермен! Иногда я — порядочная скотина...

— Нет... пожалуй, хватит и этого, — ошеломлённая Валерия не сводила с меня широко раскрытых голубых глаз, кстати, очень даже привлекательных... В общем, испытание я прошёл.

Тут подошла Дарья и сообщила, что завтра утром я отправляюсь в Москву, а она уезжает сейчас.

— Не бросай меня, Даша! Я не переживу разлуки! — с надломом в голосе трагически воззвал я. Девчонки, включая Леру и саму Дарью, захихикали.

— See you later, alligator, — заявила Даша, уходя.

Я поддержал её:

— After while, crocodile.

Когда она ушла, я предложил Валерии выйти из нашего «бункера» подышать воздухом. Удивительно, но она сразу согласилась. Мы выбрались из ангара и пошли в поле. Солнце скрылось за облаками, стало прохладнее.

— Скажи, пожалуйста, Лера, — спросил я, не очень, впрочем, рассчитывая на искренний ответ, — этот матрасный концлагерь... пардон, это ваше кефирное богоугодное заведение — оно давно здесь, в наших бескрайних степях?

— Сергей, ты пока не знаешь истинного предназначения нашей организации, поэтому я попрошу тебя не торопиться со скоропалительными выводами. А наша *база* здесь уже полгода.

— Ну, хорошо, оставим пока эти разборки. А скажи мне, милая Лера, вот такую вещь: что будет, если я откажусь от вашей благотворительной *миссии*? Расстрел через повешение с последующим утоплением, а может ещё что-нибудь похуже придумаете?

— Я же просила тебя, Сергей, не спешить. Ничего мы с тобой делать не собираемся; ты должен поверить и принять — сотрудничать с нами в твоих интересах, причём тебе мы нужны... будем нужны даже больше, чем ты — нам.

Стоп, эту песню я уже слышал раньше. Ну, да, ночной звонок, Лили — она тоже говорила, что они мне нужны и... что я могу исправить... что?

— Что я могу исправить?

— Ты всё поймёшь, только подумай немного. Иди к себе, спокойно посиди и поразмысли... я прошу тебя... Сергей.

— ОК, — я кивнул. Минуты три мы шли молча. На небо напозла свинцовая туча, начал накрапывать дождь; мы повернули к ангару. Дождь усилился, перешёл в ливень, пришлось взяться за руки и припустить бегом. В ворота мы вбежали уже до нитки промокшими.

— Нам надо переодеться, — сказала Лера, выпуская мою руку, — встретимся в зале.

Я прошёл к себе, вытер волосы полотенцем, переоделся в спортивный костюм, свои мокрые шмотки повесил на полотенцесушитель в душе. В компьютерный зал Валерия вошла, одетая в бежевую обтягивающую водолазку и голубые брючки-слимы. Чёрт возьми, на неё приятно было смотреть!

— Эта униформа тебе подходит гораздо лучше, чем прежняя, — отвесил я банальный комплимент.

— Спасибо, ты очень любезен.

Пока мы любезничали, к нам приблизилась вошедшая в зал Лилиан и протянула мне листок бумаги:

— Вы вылетаете из аэропорта «Домодедово» 19 сентября. Ты и Дарья, она будет тебя сопровождать. Вот распечатка электронных билетов. Виза вам не нужна. Пройдёте через «зелёный коридор». В Тель-Авиве у выхода из аэропорта «Бен-Гурион» вас будет встречать Микаэль Нойманн (я вздрогнул), наш сотрудник, на «Форде» с номером 321-29-218, запиши. Он отвезёт вас на место, куда — узнаете в своё время.

— Прости, как фамилия вашего сотрудника? — внезапно охрипшим голосом спросил я.

— Neumann, Michael Neumann, — повторила Лили. — Вот тебе деньги на мелкие расходы: купить воды, пива или мороженое, например, — она протянула мне небольшую стопку банкнот. — Пересчитай, здесь 1000 шекелей.

Я развернул стопку веером. Там были 8 коричневых купюр по 100, две фиолетовых — по 50 и пять зелёных — по 20 шекелей.

— Всё верно, — сказал я, — спасибо.

— Завтра в 9:00 встречаемся на лётном поле, у самолёта. Полетим в Москву, — сообщила Лилиан, — понятно?

— Yes, lady!

Когда Лили кивнула и отошла, я глянул в бумажку. Там было напечатано: Sergey Novikov (ADT) и Darya Leyner (ADT), затем номер рейса, аэропорт и время вылета, авиакомпания El Al Israel Airlines, аэропорт и время прибытия, а также прочая билетная тарабарщина.

— Лера, не откажешься выпить со мной кофе? — решил я забросить удочку. — Завтра я улетаю, и мы больше не увидимся. Было очень приятно познакомиться с такой очаровательной психологессой.

Валерия удивлённо взглянула на меня, усмехнулась, но согласилась. Мы добрались до кафешки, и я заказал два эспresso и круассаны с персипаном.

— А мне казалось, что ты не очень доброжелательно ко мне расположен, — сказала Лера, помешивая кофе ложечкой.

— Я полностью пересмотрел своё недостойное поведение и приношу искренние извинения за свои опрометчивые высказывания. Всецело отдаю себя на суд прекрасной маркизы, и, если леди будет угодно сменить гнев на милость и простить меня, я буду на седьмом небе от счастья.

Она усмехнулась:

— О, да ты коварный лицемер и хитрый дамский угодник, Серж Новиков. Но пользуйся добротой слабой женщины — прекрасная маркиза прощает твою дерзость, — она шутливо протянула мне руку. Я учтиво принял её и поцеловал со всей возможной деликатностью. Лера рассмеялась: мир был восстановлен. Я читал ей Эдгара По:

«I dwelt alone
In a world of moan,
And my soul was a stagnant tide,
Till the fair and gentle Eulalie became my blushing bride —
Till the yellow-haired young Eulalie became my smiling bride»
(Дарил мне свет
Немало бед,
И чахла душа в тишине,
Но Евлалия, нежная, юная, стала супругою мне,
Но Евлалия светлокудрая стала супругою мне. —

Edgar Allan Poe. Eulalie).

Она благосклонно улыбалась, ей нравилось. Поболтав ещё о ничего не значащих пустяках (вроде прекрасной погоды, при том, что сейчас шёл сильный дождь), мы вышли из столовки и двинулись по коридору в сторону моих апартаментов. Перед входом в мой номер мы остановились, и Лера сказала:

— Ну, пора прощаться, Серж. Мне нужно уехать... в город, по делам.

Я внезапно решил и, обняв её за плечи и прижав к себе, прильнул к её губам, ожидая отпора и возмущения. Однако она покорно стояла в моих объятиях, мне даже показалось, что она ответила на мой поцелуй, который несколько затянулся. Наконец она отстранилась и, переводя дыхание, мягко высвободилась из моих объятий.

— Прощай... маркиз. Вспоминай меня... там...

Улыбка, взмах рукой, она пошла к лестнице... Чёрт! Что творится? Тоже мне, герой-любовник, не пропускаю ни одной юбки. Зачем мне это нужно?..

Я вошёл к себе и прямо в одежде плюхнулся на кровать. Она сказала: подумай. Ну, что ж, попробую... Так, что *они* могут помочь мне исправить? Самое страшное? Но как? Это случилось, и изменить ничего нельзя. А вдруг... можно? Стоп, это уже паранойя; так можно и в дурку загнать. Всё, нужно попробовать уснуть; *the night brings counsel* (ночь даёт совет, в смысле «утро вечера мудренее») — ни к селу подумалось мне (до ночи было ещё далеко). Наверное, от всего пережитого сегодня я обалдел настолько, что вскоре незаметно уснул... Разбудил меня стук в дверь.

— Войдите, — спросонья промычал я, разлепляя веки. Вошедшая Наталья, улыбаясь, пригласила на ужин. Сбрызнув лицо, я переделался в свой высохший прикид и пошёл в ptomaine-domain (на америкосовском сленге это столовая, буквально — «отравилка»). Ужин состоял из куриного салата с авокадо и огурцом, пасты болоньезе и клюквенного морса с шоколадным маффином. Зря я под горячую руку бочку катил на местный общепит, обзывая отравилкой. Очень даже вкусно, давно я так не питался. Все девушки были на месте, за исключением Даши, Леры и Лили (кстати, её я в кафе не видел ни разу). Джо вернулась из поездки и сверкала своей киношной улыбкой. Я пригласил её на вечернюю прогулку. Дождь прошёл, дышалось легко, осеннее солнышко приятно грело лицо. Мы двинулись по свежесмытой траве в поле.

— Ты в порядке? — задала дежурный вопрос Джослин.

— В полнейшем, — в тон ей отвечивал я. — Я завтра утром покидаю вашу базу. Мне было очень приятно с тобой общаться...

— Правда?

— Да. Джо, ещё раз прошу простить меня за... ну, в общем, прости...

— Конечно. Но мы уже закрыли эту тему. Я буду вспоминать тебя, Серж.

— Скажи, я смогу позвонить тебе?

— А ты хочешь?

— Yes.

— Вот мой номер, — она потыкала пальчиком в свой смартфон, в моём кармане завибрировал мой, принимая её вызов. — Звони, если сможешь... и захочешь — я буду ждать.

Она, видимо решившись, вдруг прижалась ко мне всем горячим телом, обняв за шею, и буквально впиалась губами в мои... Голова пошла кругом, я непроизвольно обхватил её руками, поцелуй длился бесконечность; и вдруг я услышал в голове тонкий звон, словно хрустальные колокольчики играли какую-то нежную мелодию. Потом алый туман заволок всё вокруг. Из него выплыло лицо молодого темноволосого еврея, он что-то говорил, губы его двигались, но звука не было слышно. И вдруг прорвался прерывающийся голос: «Все люди — братья, только некоторые считают думающих иначе, чем они, врагами; это... не даёт понять... простую истину: любовь — высшее из понятий, выше... богов и царей, выше границ и разделений на господ и рабов...» Видение подёрнулось рябью и растаяло. И только сейчас я осознал, что всё это было сказано на греческом языке... Очнулся я в объятиях дрожащей, насмерть перепуганной Джо:

— Серж! Что с тобой, мой дорогой?

Она уже секунд десять трясла меня, не понимая, что происходит.

— Ничего... всё в порядке... всё хорошо, — выдавил я. Она недоверчиво взглянула на меня и, разомкнув объятия, осторожно отодвинулась, словно опасаясь, что я упаду. Я взял её за руку, и мы пошли к ангару. Перед воротами я нежно коснулся губами её щеки, и мы вошли. Она проводила меня до двери комнаты, быстро поцеловала в губы и, пунцовая от волнения, стремительно убежала. Damn me, tear me apart! (Чёрт меня побери, раздери меня на части!)

Кретин! Зачем я заварил эту кашу?!

Раздевшись, я прошёл в душ и долго стоял под тёплым дождиком, пытаюсь привести в порядок мысли. Сильно в этом не преуспев, вытерся, надел свой тренировочный костюм и сел перед «голубым унитазом». В новостях не увидел ничего хорошего. Какие тут могут быть положительные эмоции... Выключил телемусоропровод и вышел в коридор. Навстречу мне шла Натали, которая, увидев меня, улыбнулась и сказала:

— О, хорошо, что мы встретились, я как раз шла к тебе.

— Решилась на партию в шахматы? Только, чур, я играю белыми, — ехидно заметил я.

— Почти; мне велено завтра ровно в 8:00 разбудить вашу светлость и препроводить на завтрак.

— Моя светлость милостиво разрешает. Если обычным способом разбудить не получится, попробуй использовать поцелуй, говорят, помогает.

— Полагаю, что стакан воды, вылитый светлейшему князю на голову, вполне заменит лобзание.

— Ну, не знаю, не знаю... Мне кажется, предложенный мною способ надёжнее... и гуманней.

Попикировавшись таким образом, мы расстались; я вернулся в мои апартаменты. Немного поработав над своими заметками, я поставил смартфон на зарядку и, раздевшись, лёг в постель. Пока перед мысленным взором проплывали события сегодняшнего длинного дня, я незаметно задремал...

Проснулся от тихого стука в дверь.

— Какого чёрта! — прорычал я спросонок. — Что — уже 8 часов?

Накинув рубашку на голое тело, шлёпаю к двери, попутно взглянув на экран смартфона — 06:17. Не успев осознать сей факт, открываю дверь — передо мной... Джо. На ней коротенький розовый халатик.

— I could not sleep... I feel bad without you! I am so ashamed... (Я не могла уснуть... Мне без тебя плохо! Мне так стыдно...) — со слезами на глазах пролепетала она. Опа! К такому повороту событий, я, честно говоря, не был готов...

— Заходи, не стой в дверях, — за руку втягиваю её в мой номер, выглянув в коридор — никого. Подвожу её к кровати, усаживаю, сажусь рядом; её бьёт крупная дрожь, лицо пылает.

— Crazy girl! What's the matter? Calm down, silly (Сумасшедшая девочка! Что случилось? Успокойся, глупышка), — ничего умнее в голову не пришло. Глажу её по головке, она доверчиво прижимается ко мне. Я расстёгиваю халат, под ним — обнажённая Джослин. Немного обалдевший, но быстро пришедший в себя, опрокидываю её на постель, стягиваю через голову свою рубашку. Она несвязно бормочет:

— What am I doing? This is madness! Do you think that I am an accessible woman? Yes? I need you... Do whatever you want with me... (Что я делаю? Это безумие! Ты считаешь, что я доступная женщина? Да? Ты мне нужен... Делай со мной всё, что хочешь...)

Её пылающее тело трепетало в моих объятиях; мы слились в единое целое... Она замолчала, только прерывистое дыхание нарушало тишину... Сколько *это* длилось, я не знаю; затем, видимо, мы провалились в сон, и вдруг меня словно током пробило: в 8 часов явится Наташа будить меня!

— Джо, проснись! — в волнении я затряс её за плечо. — Скоро подъём! За мной сейчас придут.

Она недоумённо открыла глаза, видимо, вспоминая, и лихорадочно вскочила с кровати. Несмотря на напряжённость ситуации, я не смог удержаться от улыбки — испуганная, чертовски привлекательная, длинноногая женщина стоит передо мной совершенно голая и безуспешно пытается сообразить, что делать дальше.

— Милая Джо, — встав и натянув трусы, подал ей халатик, — пожалуйста, оденься и иди, — я поцеловал её в губы, — душ примешь у себя, хорошо? Я позвоню тебе... оттуда.

Она быстро оделась, я выглянул за дверь — в коридоре пусто. Джо, уже без дежурной улыбки бросив на меня влюблённый взгляд, быстро засеменила в свою комнату. Я, опустошённый, пошёл в душ... Да, история! Нарочно не придумаешь! Ровно в восемь Натали постучала в дверь.

— Пришла облобызать меня? — спросил я, открывая. — Где твой стакан? Учти, что воды у меня нет, отключили на прошлой неделе за неуплату, так что придётся использовать поцелуй.

— На, получи, — она чмокнула меня в щёку. — Ты готов к приёму пищи?

— Yes, of course.

— Ну, тогда пойдём.

В столовке ещё никого не было. Наташа зашла за стойку и вынесла оттуда омлет с копчёным лососем в тарелке и французские тосты в виде рулетиков, вставила капсулу в кофемашину, а омлет поместила в микроволновку.

— А ты разве не составишь мне компанию? — поинтересовался я.

— Нет, я позавтракаю вместе с нашими *благородными* (она выделила это слово) девицами. Enjoy! — она поставила передо мной тарелку с омлетом и чашку кофе. — Вот сахар, — передала мне упаковку. — А это — еда в дорогу, — протянула пакет с пайком. — Счастливого пути, Серж Новиков, — похлопав меня по руке, она пошла к выходу. Проводив её взглядом, я приступил к трапезе...

Без пяти девять я с пакетом в руке стоял у «Элитара». Ещё с собой у меня была борсетка с документами, деньгами, смартфоном и зарядкой к нему. Без двух минут девять появилась Лили.

— Привет. Готов? — как всегда она была немногословна.

— Hi! Готов, — в тон ей отвечивал я. Лили открыла дверцу и, кивком пригласив меня забираться в кабину, пошла к противоположной дверце. Я посмотрел на ворота ангара — около них стояла Джо в своём камуфляже. Несмотря на разделявшее нас расстояние, я разглядел в уголках её глаз росинки невыплаканных слёз; в её глазах плескалась такая тоска, что у меня тоже защипало под веками. Я помахал ей рукой, Лили проследила направление моего взгляда и, как мне показалось, едва заметно усмехнулась. Джо как-то судорожно махнула рукой в ответ и отвернулась...

Бедная, бедная Джослин, вот теперь и у тебя по моей вине разбито сердце, а я улетаю, может быть, навсегда...

Я влез на пассажирское сидение.

— Надень, — Лили протянула мне лётный шлем, — и пристегнись.

Затем, надев свой шлем, и щёлкнув пряжкой ремня, она подвигала тумблерами и нажала кнопку стартера. Двигатель чихнул и затарахтел, набирая обороты. Она связалась с диспетчером и получила разрешение на взлёт.

— Борт 301F, ваш курс 3 градуса, эшелон сорок, — услышал я радиоголос. Лили отпустила стояночный тормоз и потянула сектор газа; самолётик покатился по полосе, набирая скорость. Пробежав чуть более двухсот метров, мы оторвались от земли и легли на курс... Сначала я смотрел с высоты 1200 метров на проплывающие под крылом поля и перелески, но потом незаметно задремал (нас немного болтало в воздухе, но меня не укачивает — вестибулярный аппарат в норме); проснулся через час. Летели четыре с половиной часа. В пути я съел чикенбургер из пакета (предложил и Лили, она с усмешкой отказалась), запив минералкой; приземлились в воронежском аэропорту «Чертовицкое» — естественно, Лили виртуозно посадила наш самолётик. Указав мне на здание аэровокзала, чтобы я подождал там, она ушла договариваться о дозаправке нашего воздушного судна. Я зашёл в туалет, потом в буфете купил бутылку пива и сел на скамейку, ожидая. Узнав у буфетчицы пароль к Wi-Fi, подключился и отослал Семёну доработанные фрагменты рукописи. Через полтора часа, заправленные, взлетели и взяли курс на Москву. И уже через два с половиной часа приземлились в Жуковском.

Лили распрощалась со мной, одарив на прощание пронзительным взглядом, от которого я почувствовал лёгкий холодок под теменем, и осталась на лётном поле, а я двинулся к выходу из аэропорта. И тут вдруг я вспомнил, словно молния сверкнула: я видел это лицо с совершенно правильными чертами и эти карие глаза в супермаркете у нас в Южноморске недели две назад — я столкнулся с этой девушкой на выходе из магазина (её «sorry» и моё «извините» прозвучали одновременно), при этом она так же внимательно посмотрела мне в глаза, и так же повеяло холодом... Не успев решить, что думать по поводу этого открытия, я вышел из здания и сразу увидел Дарью. Она стояла прямо у выхода, на ней была та же кожаная курточка и джинсы, на плече висела дамская сумочка. Даша вызвала такси, и мы поехали в Домодедово

— там в аэропортовской гостинице были забронированы для нас два номера... Оставив свои немногочисленные пожитки в отеле, вышли погулять. Погода стояла тёплая — бабье лето... Мы дошли до небольшой рощицы, тропинка вывела нас к круглой поляне.

Я спросил Дарью, почему на их базе все сотрудники — женщины, причём, по-моему, все — незамужние.

— Да, это верно, — подтвердила она, — так удобнее начальству, нет семьи, детей — меньше хлопот, можно не беспокоиться о больничных по уходу за ребёнком и т. д. К тому же в нашем «монастыре» действует такой распорядок: неделю мы живём в наших кельях, только на выходные можно съездить домой, да и то не всегда. Кавалеров у нас не бывает, ты — первый, один на девять девиц, да ты и сам понял, попав в малинник, насколько оказался популярным в нашей обители, — она усмехнулась. — Сдаётся мне, «мать-настоятельница» положила на тебя глаз, так ведь?

Я смущённо промолчал. Правда, по моим подсчётам девиц выходило десять (включая Джо, буфетчицу и Лили), но я не стал поправлять Дашу.

— Ну, девушки у вас все, как на подбор, трудно выбрать лучшую, — попробовал я разрядить ситуацию.

— Но ты же выбрал, — в её голосе слышалась неприкрытая ревность.

Так вот в чём дело! О, женщины, коварство — ваше имя!

— Да, вы — девицы — сама добродетель во плоти. Как нежно и беззаветно любите вы друг друга, как благородно отзываетесь о своих товарах! — с невинным выражением лица съехидничал я. — Ваш институт благородных девиц — это образец общежития. Искренняя сестринская любовь — вот что пронизывает насквозь вашу отшельническую жизнь.

— Ну, да... примерно так, — резюмировала Дарья с улыбкой.

— Да, кстати, я припомнил такую деталь: из всех ваших барышень только Наталья не использует духи, не знаешь, почему?

— Ты очень наблюдателен, Серж; и внимателен к мелочам. У неё нарушено восприятие запахов, какой-то синдром, кажется... Ей духи ни к чему, она и так хороша, — Даша усмехнулась.

Я обнял её за талию, назревавший конфликт хотя бы на время был погашен... Мы погуляли, потом поужинали в аэропортовском кафе, ещё немного прошлись и поднялись на второй этаж гостиницы. Около Дашиного номера я, взяв её за руку, пожелал спокойной ночи. И тут она, улыбнувшись, обняла меня за плечи и прильнула к моим губам. *Zerschmettere mich mit Donner!* (Разрази меня гром!) В меня что — все встреченные девицы втюхиваются? Ну, хотя бы по очереди, и то хорошо... Она пошла к себе, я — в свой номер. Долго не мог уснуть, потом провалился в тягучий кошмар: из багрового мрака автобус несётся прямо на меня, сделать ничего нельзя — я словно залит в бетон, руки и ноги не двигаются, а он стремительно летит навстречу, но не приближается ни на дюйм... И лицо Лены — в глазах читается немой укор, губы шевелятся, но звука нет... Проснулся в поту с дрожащими руками и звоном в черепушке. Утро только начинало вползать в комнату...

Глава третья. Мегиддо

*Ани Эль Шадай Хитхалэх лефани въехйе тамим (Я — Бог
Всемогущий. Ходи передо Мной и будь непорочен).
Тора. Берешит (Быт. 17:1)*

Мы вошли в здание аэропорта и подошли к стойке регистрации. До вылета оставалось около часа. Прошли процедуру регистрации без проблем, и я решил купить что-нибудь почитать в полёте. В киоске выбрал рассказы О. Генри и книжечку ««Рубай»» Омара Хайяма. Всё это я, естественно, уже читал, но больше ничего не приглянулось. Когда объявили посадку, мы встали в очередь и вскоре сидели в салоне самолёта на своих местах, я — у окна (предложил Даше поменяться, она отказалась). Взлетели, набрали высоту, и я раскрыл Хайяма:

Я спросил у мудрейшего: «Что ты извлёк
Из своих манускриптов?» — Мудрейший изрёк:
«Счастлив тот, кто в объятьях красавицы нежной
По ночам от премудрости книжной далёк!»

Тот, кто следует разуму, — доит быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

Классические рубай — 12 слогов (на русский обычно переводится пятистопным ямбом).
А как вам это?

«Коли жив — веселись, — убеждает мудрец. —
Жизнь не вечна, настанет печальный конец». —
Если будешь грустить, ничего не изменишь.
Нет обратно пути — так устроил Творец.

(Для справки: это не Хайям, это SEN; когда-то я увлекался сочинением и переводами стихов).

Под впечатлением от Омара ибн-Ибрахима Хайяма из Нишапура я открыл О. Генри уже в определённом месте. Ну, да, правильно: «Справочник Гименея».

— Айдахо, — говорю я, — тебе какая книга досталась?

Айдахо, очевидно, тоже забыл старые счёты, потому что ответил умеренным тоном, без всякой брани и злости.

— Мне-то? — говорит он. — По всей видимости, это Омар Ха-Эм.

— Омар Х.М., а дальше? — спросил я.

— Ничего дальше. Омар Ха-Эм, и всё, — говорит он.

— Врёшь, — говорю я, немного задетый тем, что Айдахо хочет втереть мне очки. — Какой дурак станет подписывать книжку инициалами. Если это Омар Х.М.Спупендайк, или Омар Х.М.Мак-Суини, или Омар Х. М. Джонс, так и скажи по-человечески, а не жуй конец фразы, как телёнок подол рубахи, вывешенной на просушку.

— Я сказал тебе всё как есть, Санди, — говорит Айдахо спокойно. — Это стихотворная книга, автор — Омар Ха-Эм. Сначала я не мог понять, в чём тут соль, но покопался и вижу, что жила есть. Я не променял бы эту книгу на пару красных одеял.

Это моё любимое у старины Портера (О. Генри); и это (по моему скромному мнению) — вершина юмора! В юности я читал его на языке оригинала, там — не менее смешно...

— А скажи, Серж, — неожиданно прервала моё чтение Дарья, — ты любишь импрессионистов? Например, Дега.

Отложив книжку, я спросил:

— «Абсент» (в смысле, картина Эдгара Дега)?

— Ну... хотя бы.

— Что я могу сказать... У Дега очень выразительная манера исполнения, её не спутаешь ни с чем. Его импрессионизм мне понятен, а вот, к примеру, Ван Гог как-то не очень...

— Интересно, а чем же тебе не угодил Винсент?

— Ну, лично он — ничем, но вот его картины — не понимаю, и всё тут... Ты читала Уайльда, «Портрет Дориана Грея»?

— Да, а что?

— Там в предисловии есть такая замечательная сентенция: We can forgive a man for making a useful thing as long as he does not admire it. The only excuse for making a useless thing is that one admires it intensely. All art is quite useless (Можно простить человеку, делающему нечто полезное, если только он этим не восторгается. Единственным оправданием тому, кто делает бесполезное, служит лишь страстная любовь к своему творению. Всякое искусство совершенно бесполезно). Ты поняла, переводить не надо?

— Не надо. А ты действительно считаешь искусство бесполезным?

— Ну, что ты — конечно, нет; я пошутил, — коснувшись её руки, я улыбнулся.

— А... ну, да, — по-моему, она была сбита с толку...

Через четыре с четвертью часа после вылета мы приземлились в аэропорту «Бен-Гурион» Тель-Авива. Было около четырёх дня по местному времени. В киоске с журналами я купил разговорник (иврит — русский) и флешку на 8 ГБ. Рядом, в ларьке с напитками и мороженым я увидел пиво.

— «Heineken» beer, in a bottle, please, — попросил я.

— Шмонэ шкалим. Eight shekels (восемь шекелей), — сказала продавщица. Я расплатился двадцаткой, получив бутылку и сдачу монетами, и догнал свою спутницу. Выйдя из аэропорта, мы увидели на стоянке белый «Форд» с номерным знаком 321-29-218. Около него улыбался загорелый парень; он благожелательно кивнул Даше и мне.

— Mr. Neumann? — поинтересовался я.

— Yeah. You can call me Mike.

— ОК, Mike. Скажи, тебе знакомо имя Георга Нойманна? — не без внутреннего волнения спросил я.

— Yes, this is my ancestor.

— Меня зовут Серж Нойманн, мой прадедушка носил эту фамилию. Получается, мы с тобой родственники, какие-то там многоюродные братья, — произнёс я немного охрипшим голосом.

— Wow! Excellent!

— And do you speak Russian?

— Yeah, but not much.

Он открыл перед Дарьей заднюю дверцу, мне предложил садиться спереди и пристегнуться. Я спросил:

— Sprichst du Deutsch? Wechseln wir zu Deutsch? (А по-немецки ты говоришь? Перейдём на немецкий?)

— Ja. Bitte schön.

Мы отъехали от аэропорта.

— Wie lange werden wir brauchen? (Долго нам ехать?).

— Etwas mehr als eine Stunde (Чуть больше часа).

— Sehr gut, — сказал я. Беседа как-то сама собой заглохла, дальше ехали молча...

Я полистал разговорник. «Здравствуйте — шалом, хорошо — тов, добрый день — йом тов, до свидания — леитраот, извините — слиха, пожалуйста — бевакаша». Дальше — интересней: «квартира — дира, паспорт — даркон, горячий — хам, только — рак, надежда — тиква». Смешно...

Минут через десять, спросив и получив наше разрешение, Майк включил радио. Я услышал знакомый мотив и прислушался. Девушка с очень приятным голосом пела по-японски «Миллион алых роз».

— This is a Japanese duo Ichigo Tanuki, — сообщил Майк.

Последний припев женщина с мужчиной спели по-русски: «Миллион, миллион, миллион алых роз...» Почему-то вспомнилась вычитанная где-то (в Инете?) история этой песни Паулса, русский текст к которой написал Вознесенский. (Он создал текст «Миллиона роз» на уже готовую мелодию песни «Подарила Мária девочке жизнь» композитора Раймонда Паулса и поэта Леона Бриедиса. Песню исполнила Айя Кукуле, победившая с ней на конкурсе «Микрофон» в 1981 г. В ней поётся о женщине, подарившей дочке жизнь, но забывшей подарить счастье. Об этом она поёт песню дочке, а потом, через много лет, та напевает её своей дочери). В своё время песня мне очень нравилась — красные розы были её любимыми цветами...

Дарья задремала на заднем сиденье; я смотрел на дорогу... Мы выехали на шоссе 60 и, проехав по нему минут сорок, повернули налево — на шоссе 66...

Потом вдруг из динамика раздалось:

*«It's my life, It's now or never,
But I ain't gonna live forever...»*

От неожиданности я вздрогнул. Von Jovi! Чёрт! Как той ночью... Мистика какая-то... Майк ещё раз повернул налево, и вскоре я увидел указатель (на иврите и латиницей): «Megido». Ну, ни х... себе! Вон куда меня занесло! Шомрон (Самария)!

Майк остановил машину около небольшого двухэтажного дома на HaShaked Street. Мы вышли из машины и вошли в железную дверь с электронным замком, которую Майк открыл, приложив к нему магнитную карточку. Внутри оказалось небольшое помещение с двумя дверями, около одной из которых стоял молодой парень в камуфляже с автоматом «Микро-Узи» (как я определил) на шее. Майк предъявил ему свой пропуск и провёл нас в комнату с ширмой у стены и двумя столами, за одним из которых сидела молодая девушка-еврейка в таком же камуфляжном костюме, что и у охранника, перед ней стоял монитор компьютера.

— Хаий. Берухим хабаим, — с улыбкой приветствовала она нас на иврите; у неё был приятный грудной голос. И сразу по-английски:

— Hello. Welcome.

Я помахал ей ручкой, Даша улыбнулась.

— Don't you speak Hebrew?

— No, unfortunately, — ответила Дарья...

Девушка (как потом выяснилось, её звали Талья — «Роса бога», очень поэтично!) встала и, открыв дверь, скрытую ширмой (мы её, т.е. дверь, сразу не заметили), пригласила нас следовать за собой. За дверью были ступени, ведущие вниз, мы спустились на два лестничных марша и оказались перед следующей дверью, которая была открыта. Там был коридор, ярко освещённый потолочными светодиодными светильниками. Вдоль него располагались двери с номерами

на них. Талья привела меня к номеру «205», и мы вошли в мою комнату — она была маленькая, но уютная. Сообщив, что душ находится в конце коридора, Талья повела Дашу в соседний номер — «206». Не раздеваясь, я плюхнулся на кровать, застеленную зелёным покрывалом, бросив барсетку с ксивами на тумбочку, стоящую рядом. Интересно, что будет дальше, надолго ли я здесь застряну?..

* * *

Теперь необходимо сделать небольшое отступление от повествования об этих необычайных событиях. Настало время представиться; вот биографическая справка: я — Сергей Евгеньевич Новиков или SEN, как я подписываю некоторые свои публикации, журналист, специальный корреспондент газеты «Южноморские Ведомости». Мне 33 года (недавно исполнилось), рост 184 см («я вышел ростом и лицом — спасибо матери с отцом»), внешность у меня — голливудская, этакий Robert Pattinson (как считают некоторые знакомые девушки), холост, не был (ну, вообще-то, был: Польша, Чехия, Нидерланды, Греция, Турция, Египет), не привлекался, не имею (оказывается, имею, в смысле родственников, но это не важно), ну, и т. д. Главред нашего «рупора» Лев Давидович Миркин (все за глаза зовут его «Давыдыч», в узком кругу — «Троцкий») меня ценит (в основном) и лелеет (в смысле — закрывает глаза на мои выкрутасы: а что вы хотите, талант!). Живу в двухкомнатной приватизированной квартире (раньше — с матерью, теперь — один), имею автомобиль «Audi A4 B7» (куплен в рассрочку, к настоящему времени кредит погашен). Не пью (почти), не курю, без вредных привычек. Люблю Шекспира, Эдгара По, О. Генри, Омара Хайяма (разносторонние интересы, показывают мой кругозор), владею английским (прилично) и немецким (немного хуже), кроме того знаю латынь, то есть способен «потолковать об Ювенале (помню начало первой сатиры: „Semper ego auditor tantum?“), в конце письма поставить Vale», и греческий (тоже довольно условно). Это результат учёбы в гимназии №1 на улице Чернышевского (в нашем городе). Мне нравится ретромузыка (современную, впрочем, я тоже не отвергаю), обожаю читать старых литераторов (поэтов и прозаиков). Люблю пиво (качественное) и вино (не менее качественное). Интересуюсь историей религий (в частности, христианства) и кое-чем ещё... Впрочем, хватит и этого.

А теперь — самое главное (иначе будет непонятно дальнейшее): Новиков я — по отцу, а по прадеду — Neumann, в 1937 году он сменил свою немецкую фамилию на русскую — Новиков (как он ухитрился это сделать, я не знаю). В свою очередь его дед звался Георгом Нойманном; он был резчиком по дереву и родным братом Генриха Нойманна, немецкого художника XIX века. У моего отца сохранился отпечаток с гравюры Генриха — автопортрет. На ней изображён солидный бюргер с роскошными усами и бородой, в очках; в углу — инициалы «HN».

У отца я видел фотографию моего прадеда, Ивана Фридриховича Нойманна, в молодости. На снимке (на обороте — дата: 3 мая 1909 года) он в компании двух друзей-гимназистов, юный красавец с пышной шевелюрой, сидит в кресле в центре, а они стоят по бокам, положив руки ему на плечи.

Мой отец, Евгений Яковлевич Новиков, историк-ориенталист, выпускник Ростовского Госуниверситета, доктор наук, профессор, специалист по Шумеру и Аккаду. Он работает в Институте Всеобщей истории РАН (в Москве, на Ленинском проспекте) с 1990 года, автор монографии «Реконструкция источников шумерской мифологии раннединастического периода по текстам диалекта eme-gir» (sic! — я запомнил буквально). Моя мама, Лия Иосифовна Новикова (в девичестве — Самальская), работала врачом-окулистом в районной поликлинике. Отец уехал в Москву по приглашению администрации института, когда мне было четыре года. Мы жили с мамой; отец приезжал раз (иногда два раза) в год на месяц в отпуск, привозил подарки. Когда я решил пойти в армию (хотя мама пыталась отговорить меня), она переехала к нему в дом на Ленинском проспекте, в двухкомнатную квартиру (полученную от института) на четвёртом этаже старой девятиэтажки. Отслужив срочную в ВДВ, я вернулся в нашу южно-морскую «двушку».

(Когда я поступил на журфак МГУ, встал вопрос о месте моего проживания; отец, естественно, предполагал, что я буду жить у них, но, зная его характер и упрямство — мы не раз цапались с ним по самым разным поводам, я предпочёл выбрать общежитие, несмотря на угоры мамы).

Родители хотели видеть меня преуспевающим адвокатом, короче, юристом — не сложилось... Журналист — «неважная замена овсу», то бишь служителю юстиции...

Теперь я должен сообщить довольно любопытную информацию. Итак, у меня удивительная память: я с первого раза запоминаю лица, предметы, прочитанный текст, номера телефонов и т.д., и т. п. И практически ничего не забываю... Учёба для меня не составляла ни малейшего труда (красный диплом универа с младенчества золотыми буквами был записан в *Книге* моей судьбы). Способность к изучению иностранных языков — невероятная, дюжина уроков — и язык освоен в разговорном объёме.

Ещё один поразительный факт: в своей жизни я *ни разу* ничем не болел; знаю — это за гранью понимания, но *quod est verum* (это правда). Даже ветрянкой и прочими детскими болячками, даже примитивной простудой... Мама с гордостью, но и с удивлением, рассказывала, что я не схватил даже лёгкого насморка, когда мы брели сквозь пургу, бросив на просёлочной дороге застрявшую в сугробе машину, «Жигуль-шестёрку» (ездили на Новый год на дачу к подруге мамы — она пригласила; за рулём был её муж) с заглухшим мотором, в город. Было минус пятнадцать, мы пробирались сквозь белую круговерть около часа... У мамы было воспаление лёгких (она лежала в больнице), муж маминой подруги тоже заболел. Я жил тогда две недели у этой самой подруги. Мне было шесть лет...

И — самое интересное: у меня бывают видения — я называю эти состояния (а они случаются нередко) *накатами*. Скажете: «Тоже мне Орлеанская дева! Видения, видите ли, у него!» Но... увиденное непременно сбывается, сразу или через какое-то время, но обязательно.

Для полноты картины следует сказать, что я владею искусством *замедления времени* — в моменты наибольшего душевного всплеска или грозящей опасности. Механизм реализации этого феномена мне неизвестен, но, когда я вхожу в такое состояние, время начинает течь в совершенно ином ритме... А ещё я вижу сны... Станные, иногда довольно психоделические, иногда — сюрреалистические... Ну, как вам словесный портрет супермена?

* * *

Первая ночь в Мегиддо... По ассоциации вспомнился рассказ Брэдбери «Уснувший в Армагеддоне» (там потерпевший аварию пилот оказывается на астероиде, на котором страшная битва уничтожила цивилизацию, остались только души предводителей враждующих сторон; астронавт засыпает, и начинается борьба за его тело) — надеюсь, у меня всё сложится не так мрачно, как у героя новеллы...

Утром Майк пригласил меня в конференц-зал, располагавшийся на «минус втором» этаже. Там уже собрались человек пятнадцать сотрудников и раввин в чёрном костюме и кипе. Все присутствующие (одни мужчины) напялили на головы разные головные уборы (у кого — кипы, у кого — разноцветные шапочки; мне Майк тоже дал какую-то ермолку). Раввин сначала продекламировал нараспев Шма («Шма, Йисраэль, Адонай — Элохейну, Адонай — эхад!») Затем шёпотом: «Барух шем квод мальхуто леолам ваэд!»), а после приступил к чтению главной молитвы — амиды: «Ки Шем Адонай экра, аву годэль лЭлоэну. Адонай сефатай тифтах уфи ягид теилатэха. Барух Ата Адонай, Элоэну вЭлоэй авотэну Элоэй Авраам Элоэй Йицхак вЭлоэй Яаков, аЭль агадоль агибор веанора, Эль эльйон гомэль хасадим товим, веконэ аколь везохэр хасдэй авот, умэви гоэль ливнэй венээм лемаан шемо беаава» («Когда воззову к Господу, возвеличьте нашего Бога. Господь! Открой мои уста, — и да восхвалит Тебя мой рот. Благословен Ты, Господь, наш Бог и Бог наших отцов, Бог Авраама, Бог Ицхака и Бог Якова, Бог великий, могучий и грозный, Всевышний, творящий милости, владеющий всем, помня-

щий благие дела отцов, с любовью приводящий избавителя к сыновьям их сыновей ради Своего имени»).

После молитвы народ разошёлся по своим местам. Я спросил Майка:

— У вас все верующие?

— Ну, не все... Но к утренней аамиде ходят, так заведено... А ты веришь в Бога?

— Я тебе отвечу цитатой: «Все люди верят. Одни верят, что Бог есть. Другие верят, что Бога нет. Ни то, ни другое недоказуемо...» Это из одного очень хорошего советского фильма («Берегись автомобиля»), — пояснил я. — Я — агностик...

— Ты — последователь Гексли?

— Ну... может быть, хотя я — агностик в смысле принципиальной невозможности объективного познания мира, — подпустил я тумана, — мне кажутся наиболее близкими к истине идеи сенсуализма. *Nihil est in intellectu, quod non fuerat in sensu* (В интеллекте нет ничего, чего раньше не существовало в смысле)...

По субботам перед обедом тот же рабби читал 23-й Псалом: «Гам ки элех бегэй цальмавет, ло йира ра, ки ата имади, шивтэха умишгъантеха хема йинахамуни» (Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня. — Двадцать второй псалом из книги Псалтирь)...

А, если мне предстоит пойти долиной тьмы, убоюсь ли я?..

— А теперь, Серж, слушай меня внимательно, — начал Майк, — здесь у нас (он обвёл рукой вокруг) имеется некий аппарат, который... как бы это сказать, может перемещать разные объекты... короче — это *машина времени*.

— Что? — спросил я, думая, что он шутит (только зачем?) — Что за хрень?

— The chronosar. Time machine. Это устройство позволяет перемещаться во времени. А тебе предстоит отправиться с его помощью... в Иерусалим первого века нашей эры.

— Зачем? — ничего умнее в голову не пришло.

— Об этом — чуть позже...

В двадцатых числах сентября для меня (Дарья не поехала — неважно себя чувствовала, видимо, ПМС) устроили выездную экскурсию: в субботу утром, сразу после завтрака, Майк повёз меня в национальный парк «Тель Мегиддо». Мы проехали минут семь по шоссе 66 и остановились на холме, на стоянке. Майк купил билеты (по 28 шекелей — отметил я) и мы пошли смотреть обзорный фильм (кстати, с титрами на русском языке), затем прошли в музей и погуляли по парку. Из фильма и от экскурсовода (который по субботам проводит экскурсии на общественных началах — но на иврите; Майк переводил на английский) я узнал, что в библейские времена Мегиддо был одним из важнейших городов древности, что подтверждают многочисленные находки, относящиеся к бронзовому и железному векам. Самой первой известной битвой за Мегиддо является осада города фараоном Тутмосом III, сведения о которой дошли до нас благодаря дневникам его летописцев. По текстам Ветхого Завета можно составить целый список сражений у стен города и в его окрестностях. Сражением же, послужившим вдохновением для пророчества о войне между Богом и Сатаной, т. е. Армагеддоном, является битва между фараоном Нехо и иудейским царём Иосией, схватка между силами света и тьмы, ну и т.д., и т. п. Но и в более поздние времена здесь происходили события, которые вершили ход мировой истории. Так, недалеко отсюда, была впервые остановлена и разбита монгольская армия. Да, те самые монголы, завоевавшие треть мира (в том числе и Русь), потерпели здесь поражение, с которого и начался закат татаро-монгольского ига. Здесь же, у Мегиддо, в конце Первой мировой войны, британский генерал Алленби разбил Османские войска. Далее выяснилось, что рядом с парком Мегиддо, прямо на перекрёстке, находится тюрьма с одноимённым названием, в которой содержатся заключённые-террористы. Несколько лет назад при работах по расширению тюремного комплекса были обнаружены артефакты, ставшие громкой сенсацией для христианского мира. На территории современной тюрьмы найдены остатки мозаич-

ного пола сооружения, которое, вероятно, является самой древней церковью мира. Мы осмотрели остатки ханаанских ворот и древних конюшен, а также спуск в туннель водной системы — всё очень древнее... С холма, между прочим, виден город Назарет...

* * *

Сон. Я иду по вечернему лесу, косые лучи заходящего солнца пробиваются сквозь деревья, вспыхивая на листьях жёлтыми пятнами. Оглядываюсь — моя тень, длинная и изломанная на стволах, тащится за мной. Впереди я вижу человека, у него чёрные выющиеся волосы и борода, он одет в серый хитон до колен, на ногах — сандалии. Он приближается и говорит по-гречески:

— Я ухожу, но вернусь.

Внезапно я вижу, как вокруг его головы вспыхивает ореол, переливающийся радужными цветами; мне становится страшно, я отворачиваюсь и вижу, что моя тень отрывается от ног и становится рядом со мной. Я протягиваю к ней руку — она отстраняется и уходит за деревья. Перевожу взгляд на встреченного — у него тоже нет тени. Сияние гаснет, я просыпаюсь. Из сна — ощущение: я не сделал чего-то важного, испугался, струсил...

Как это трактовать, по Юнгу? Или это может объяснить Эрих Нойманн? Кстати, он мне не родственник, Нойманн — довольно распространённая фамилия...

(Для справки: Карл Густав Юнг — швейцарский психиатр и педагог, основоположник одного из направлений психологии — аналитической; был близким соратником Зигмунда Фрейда. Тень — описанный Юнгом архетип, представляющий собой относительно автономную часть личности, складывающуюся из личностных и коллективных психических установок, которые не могут быть приняты личностью из-за несовместимости с сознательным представлением о себе. В сновидениях Тень проявляется в виде человека одного пола со сновидцем, вызывающего неприятие и раздражение. Игнорирование или незнание Тени может вызывать рассогласование личности. А Эрих Нойманн — психолог, писатель и ученик Юнга. В работе «Глубинная психология и новая этика» он пишет: «Тень, конфликтующая с общепринятыми ценностями, не воспринимается как негативная часть психики индивида и поэтому проецируется, то есть переносится на внешний мир и воспринимается как внешний объект. Вместо того, чтобы рассматривать тень как «свою внутреннюю проблему», с тенью сражаются, её порицают и истребляют как «внешнего врага»).

And the lamp-light o'er him streaming throws his shadow on the floor;
And my soul from out that shadow that lies floating on the floor
Shall be lifted — nevermore!

(Лампы свет струится рядом, тень ложится как беда.

И душе моей из тени, что ложится как беда,

Не подняться никогда! —

Е.А.Пое. The Raven; мой перевод).

* * *

У входа на уровень "—2» стояли два парня в камуфляже (с неизвестными мне знаками различия), на шее одного висел карабин М4 (если я правильно опознал его по шутеру Warface) с оптическим прицелом и подствольным гранатомётом М203, другой был вооружён винтовкой «Тавор-21», я узнал её по очень короткому стволу и характерному прикладу (вспомнил плакат со стрелковым оружием иностранных государств, висевший в классе, где у нас проходили теоретические занятия по общевоинской подготовке в бытность мою в ВДВ). «Серьёзные ребятки, — подумал я, — у них тут, похоже, войнушка намечается».

Мы с Майком подошли к кабинету с табличкой «#2» на двери, вошли, постучавшись, и он указал на крепкого мужчину в модных очках, с виду лет сорока, одетого, несмотря на

жару, в дорогой коричневый костюм-двойку с шикарным галстуком (узел которого, правда, был ослаблен), сидящего за столом. Я не большой знаток модных брендов, но костюм тянул не меньше, чем на Армани или Гуччи.

(Как оказалось впоследствии, это действительно был Армани, кстати, рубашка и галстук — тоже. Однажды я, со свойственной мне ехидностью, поинтересовался у владельца стоимостью его «прикида». Он удивлённо взглянул на меня и, сразу включившись в игру, с невинным выражением лица выдал мне подробную информацию: костюм — 3.5 Grands (т.е. три с половиной штуки зелёнки), рубашка — 700 баксов, галстук — 250, ботинки — 300; затем с такой же невинной полуулыбкой снял пиджак и показал на подкладке «лейбл» — логотип «Giorgio Armani» с изображением орла).

— Это Шмуэль Вайсман; можно — просто Сэм, — сообщил Майк.

— My name is Serge, — сказал я.

Сэм произнёс приятным баритоном (разговор шёл на English, далее привожу его в переводе на русский):

— ОК. Как Вы уже знаете, у нас имеется аппарат для путешествий во времени. Оставив пока в стороне его происхождение и связанные с этим вопросы, перейду к популярному изложению общих... мероприятий самого процесса. Вот как происходит перемещение. Оператор в исходной точке (в пункте «А») включает энергопитание аппарата и проводит рекогносцировку условий в точке прибытия (в пункте «В»). Чтобы скорректировать местоположение в пространстве перемещаемого объекта мы направляем в предполагаемое место прибытия пучок гипервысокой энергии. Он сканирует пространство в объёме примерно 10 м^3 . Если материальных (точнее — твёрдых, воздух не в счёт) препятствий нет, на дисплее оператора отображается сигнал, разрешающий перемещение объекта. Если есть что-то, мешающее перемещению, оператор может сдвинуть точку выхода по трём координатам в пределах трёх метров. Но перемещение объекта в пространстве съедает дополнительно огромную порцию энергии, поэтому лучше избегать таких манипуляций. И, наконец, когда все параметры удовлетворяют оператора, объект отправляется в пункт «В». Я смоделировал эффекты, сопутствующие перемещению; вот симулятор.

Он щёлкнул тумблером на панели стоявшего перед ним прибора.

— Смотрите, как это выглядит.

Дальше произошло следующее. Ослепительная фиолетовая вспышка, треск электрического разряда; резко запахло озоном.

— В пункте «В» инициируется сгусток энергии (открывается *портал*, как любят писать в science fiction), который проявляется в виде очень яркой вспышки, но основная часть энергии выделяется в диапазоне экстремального ультрафиолетового и рентгеновского излучения. Поэтому местность в радиусе около 15 метров некоторое время «фонит» (в смысле радиоактивности), и живому объекту необходим защитный противорадиационный костюм — скафандр. Удалившись от точки прибытия на 20 метров, костюм можно снять. Далее, между точками отправления (в нашем времени) и прибытия (в прошлом) сохраняется энергетический канал, позволяющий осуществить автоматическое возвращение объекта в точку «А» по окончании *миссии*, но на поддержание этого канала непрерывно затрачивается энергия в течение всего времени *экспедиции* (он тоном выделил последнее слово). Естественно, речь идёт о субъективном времени путешественника, так как в точке «А» между моментами отправления и возвращения времени не проходит совсем, точнее протекает мгновение, соразмерное кванту времени.

(Тут сто́ит пояснить, что есть такое понятие — хронон — гипотетический квант времени, его неделимая единица. В 1927 г. Роберт Леви предложил понятие и термин «хронон», а модель хронона создана Пьеро Калдиरोлой в 1980 г. В его работе один хронон соответствует 2×10^{-23} секунды. Некоторые теории синергетики оперируют так называемым «мгновением»

— мельчайшим, элементарным и недробимым «квантом времени», соответствующим понятию «планковское время» и составляющим $\sim 5,3 \times 10^{-44}$ секунды).

В том случае, если путешествие осуществляется только во времени, а в пространстве (в системе координат пункта отправления) не происходит перемещения *машины*, объект, то есть путешественник с поклажей, перемещается в неё, находящуюся в пункте «В». За соблюдением всех условий следит наш надёжный суперкомпьютер, так что никаких накладок не может быть (если быть точным, вероятность отказа *машины* составляет примерно одну двухмиллионную — это практически невозможное событие)...

Вскоре мы с Сэмом уже обращались друг к другу по имени, как приятели. Назавтра утром он пригласил меня к себе в кабинет и сказал:

— Тебе предстоит освоить массу навыков, которые потребуются тебе *там*, — он сделал многозначительную паузу и продолжил:

— Придётся хорошенько подучить латынь и греческий, а также арамейский, — заметив моё беспокойство, Сэм сделал жест, как будто что-то отстранял от себя, — нет, не бойся, только базовые знания. У нас есть методика обучения во сне, результат она даёт уже через пять сеансов. И потом, насколько мне известно, у тебя неплохие навыки в усвоении информации. Далее, нужно научиться ездить верхом без стремян, как древние римляне, есть лёжа, надевать их одежду и бельё, бриться довольно опасной бритвой, пользоваться тамошним туалетом и ещё кое-каким мелочам. Ещё придётся освоить навыки владения оружием — холодным, естественно: мечом, копьём. Отдельно надо обратить внимание на этикет, как общаться со знатью, плебсом, рабами, освоить правила письма. Ты когда-нибудь сидел на лошади?

Я с некоторой гордостью сообщил, что в детстве мама водила меня в школу верховой езды, правда недолго; однажды я упал с коня и повредил ногу. Нога вскоре зажила, но с занятиями было покончено. Сэм одобрительно улыбнулся и сказал:

— Но это ещё не всё. Ты должен будешь освоить основы единоборств, например, кунг-фу; а также владение кинжалом.

— Ну, насчёт единоборств кое-что знаю, служил полтора года в ВДВ.

— What is VDV?

— Войска дяди Васи, — сострил я. — Blue berets. Airborne troops (Голубые береты. Воздушно-десантные войска). Кунг-фу не особенно владею, а вот самбо — нормально.

— А что такое «самбо»?

— Покажу; нападай — узнаешь.

(После дембеля, на «гражданке» я ещё позанимался в секции самбо, даже участвовал в соревнованиях, так что могу за себя постоять).

Сэм сделал быстрый выпад левой рукой, целясь мне в нос. Я молниеносно перехватил его руку и крутанул так, что он не устоял на ногах и опустился на правое колено. Он недовольно поморщился, но сказал:

— Ого, здорово! Да ты супермен! Значит кунг-фу вычёркиваем из программы занятий. Ну, а остальное придётся осваивать, okay?

Владение холодным оружием в меня вколачивал фехтовальщик Натан — мужик лет пятидесяти с курчавой чёрной шевелюрой, бородкой и усами. Он более-менее обучил меня владеть спатой, пугио, а также ланцеей и пилумом². Сначала, естественно, мы рубились пла-

² Спата (лат. *spatha*) — прямой и длинный обоюдоострый рубяще-колющий меч массой до 2 кг, с клинком шириной 4—5 см и длиной до 80 см, использовавшийся на территории Римской империи с I по VI вв. н. э. Пугио (лат. *pugio*) — обоюдоострый широкий кинжал длиной 15—35 см широкой листообразной формы; личное оружие легионеров, ауксилариев (солдат вспомогательных частей) и младшего командного состава римской армии (центурионов, опционных, знаменосцев). Ланцея (лат. *lansea* — копьё) — облегчённое копьё конницы и пехоты до 2,5 м длиной с небольшим листовидным наконечником для метания и рукопашного боя. Пилум (лат. *pilum*, мн. ч. *pila*) — метательное копьё легионеров Древнего Рима. Наконечник длиной 60—100 см, наполовину всаживался в древко, так что общая длина копья составляла ~2 метра.

стиковыми мечами, но к концу занятий, надев «стегачи» (гасящие инерцию удара по доспеху), лёгкие колеты и фехтовальные шлемы с сетками, потыкались стальными; в общем, зачёт я сдал...

Верховой ездой я занимался на площадке, оборудованной в пригороде Мегиддо, с инструктором Ланой — миловидной черноглазой еврейкой лет двадцати пяти. За шесть занятий она научила меня прилично держаться в седле с помощью гневной кобылы Рэи, даже скачущей галопом. Это было не так просто — стремян не было, но кое-как я справился. Кобыла вначале фыркала и не подпускала меня, но постепенно сменила гнев на милость... Зачёт я сдал, после чего мы уютно посидели в кафе (правда, в присутствии вездесущего Майка); пили белое полусухое вино, я отпускал довольно двусмысленные комплименты в её адрес, она весело смеялась; на прощание я чмокнул её в щёчку и получил в ответ обольстительную улыбку. Все бы инструкторы были такими, как эта милая девчушка!

Прочие занятия по обучению древнеримским бытовым мелочам проводил старый еврей Ицхак Штейнман (между прочим, профессор). С его помощью я освоил манеру поведения во время приёма пищи, при беседе со знатью и плебсом, рабами и женщинами. Он же обучил меня правилам поведения на улице, на зрелищных мероприятиях и пр. Использование одежды, обуви, головных уборов — всё это пришлось изучить и освоить, доведя до автоматизма...

— Мой дед, Ицхак Вайсман, был сыном Хаима Вайсмана, младшего брата Иакова Вайсмана — сотрудника аппарата президента нашей страны, — сообщил Сэм. — Дядя Ицхака, Иосиф основал исследовательский институт в Хайфе; он был одним из сотрудников Всемирной сионистской организации, — продолжил Сэм тоном преподавателя, читающего лекцию студентам. — Я изучал в этом институте, в Школе имени Гринберга, физику, получил степень доктора философии. Правда до этого я *потёрся* в Оксфорде, — скромно завершил он свою речь.

— А на каком факультете ты *тёрся*? — ехидно вставил я свои двадцать копеек.

— Математических и физических наук, — словно не заметив моей иронии, отвечал Сэм, — мне довелось, будучи аспирантом, поработать в Clarendon Laboratory на Parks Road.

— Ну, ты крутой! — с некоторой толикой зависти сказал я. — Гигант мысли!

К сожалению, мой уровень образования — МГУ — до Оксфорда немного не дотягивал...

— Энергию мы получаем от термоядерной энергоустановки, осуществляющей инерциальный управляемый синтез; она находится в другом месте, — он указал куда-то вбок и вниз, — на глубине около 100 метров...

— Подожди, — перебил я, — термоядерный реактор, кажется, ещё не создан...

— Мы получили его от... скажем так, наших... спонсоров, — усмехнувшись пояснил Сэм. — Во время работы реактора выделяется много тепла, поэтому он помещён в специальную оболочку — криостат — охлаждаемую жидким азотом.

— Однако, как у вас тут всё запутано, — растерянно пробормотал я.

— Ну, в общем... да... Слушай дальше. Ещё надо принять во внимание следующее. Земля вращается вокруг своей оси, совершая один оборот в сутки. Кроме того, она движется по орбите вокруг Солнца со скоростью около 30 км/с. Солнце движется вокруг центра Галактики со скоростью 230 км/с, а Галактика, в свою очередь, движется по отношению к так называемому «фону» со скоростью около 600 км/с, и так далее. Все эти перемещения в пространстве учитывает специальная программа, связанная с высокоточными цезиевыми атомными часами, которая вычисляет координаты точки прибытия по отношению к точке отправления с точностью до 10 см. Это очень сложная и энергоёмкая программа, в детали я вдаваться не буду, скажу только для информации, что определение точки перемещения объекта массой 1 кг на 1 час в прошлое потребляет примерно 5 МВт·ч (то есть 18 ГДж). А само перемещение съедает на два порядка больше энергии.

Сэм снял свои шикарные очки, протёр стёкла замшевой салфеткой, извлечённой из футляра, украшенного какой-то затейливой надписью на неизвестном мне языке (потом как-то он перевёл мне — выяснилось, что это мальдивский или дивехи; надпись гласила: «Велик Аллах, и Мухаммад — пророк его», — любопытно!), откашлялся и сказал:

— Я представляю организацию под названием «Новый Сион», — он указал на плакат, висевший на стене напротив нас. На нём был изображён земной шар, на фоне которого красовалась звезда Давида; из внутреннего шестиугольника выглядывала оливковая ветвь. Вверху шла надпись на иврите, внизу — по-английски: New Zion Organization. У меня словно что-то щёлкнуло в мозгу: так вот что означал логотип «NZO» на бортах вертушек и ангаре «матрасной фирмы»! Едреня феня! Да, крутые перцы!

— Чтобы ты прочувствовал масштаб нашей организации, могу сообщить, что она щедро финансируется такими известными серьёзными бизнесменами, как Мартин Зальцберг, Магнус Пильцберг, Михаил Грюнман, Сергей Кумпель... Перед нами стоит следующая super task (сверхзадача): изменить существующее положение вещей, когда значительная часть населения нашей неблагоустроенной планеты исповедует христианство и ислам. Это несправедливо, неправильно, наконец. Древняя религия Земли — иудаизм, с избранным Богом народом — в загоне, на обочине истории, а новые (относительно) верования правят миром. А теперь представь: христианство не возникло, следовательно и ислам тоже, иудаизм (наряду с индуизмом и буддизмом) является мировой религией. Государство Израиль — Великий Израиль (именно так, с большой буквы) правит половиной мира. Это грандиозно! А что для этого нужно? Самая малость: чтобы последователи Йешу, не провозгласили своего учителя Машиахом (Мессией) и сыном Бога. Христианский апостол Саул (Павел) не уверовал в сына Божия и не создал верование, названное христианством, Мухаммад не стал пророком и не надиктовал Коран (а если надиктовал, то в нём не появился великий пророк Иса со всеми вытекающими последствиями), не возникли христианские Рим и Византия, а остались языческими... (Позже я нашёл в Инете «Толедот Йешу» — средневековый антихристианский иудейский памфлет, в котором евангельские события представлены в гротескной форме. Название буквально значит «Родословие Иисуса», однако имя «Иисус» передано в искажённой форме — Йешу вместо Йешуа. Памфлет приписывает Иисусу незаконнорождённость, магические способности и позорный конец).

Он перевёл дух и продолжил:

— Так что же для этого нужно? Всего лишь малость: не допустить, чтобы проповедник Йешуа из Галилеи (но не из Нацрата, то есть Назарета, такого города тогда ещё не было) был казнён по приговору санхедрина (синедриона), утверждённому Пилатом. А твоя задача: убедить префекта в безвредности для него этого философа, казнить которого нет никакой необходимости. Ты будешь должен, извини за тавтологию, спасти Спасителя (как вы его называете) от смерти. Оставшись в живых, он не сможет повлиять на течение мировой истории, будет быстро забыт и доживёт свои дни в безвестности... где-нибудь в Индии.

Он усмехнулся и закончил свою филиппику:

— В Кашмире, например...

(Тут я вдруг припомнил вычитанную когда-то любопытную информацию: утверждение о том, что Иисус Христос выжил после распятия, после чего ушёл в Индию, где долго жил и умер естественной смертью в возрасте 120 лет в Кашмире, стало распространяться благодаря исламскому проповеднику XIX века Мирзе Гуламу Ахмаду. В книге «Иисус в Индии», изданной после его смерти на урду, он использовал многие источники и указал, что Иисус Христос похоронен в Шринагаре под именем Юз Асаф. У иудеев и мусульман было особое отношение к тем, кто *умер*, повешенным на дереве; такой человек считается *проклятым*, так как в его сердце, оставленном Богом, поселяется тьма. Истинный пророк никак не мог быть повешен, поэтому казнь через распятие должна была продемонстрировать, по замыслу фарисеев, что Иисус был ложным пророком. Согласно Ахмаду, Иисус был распят, но не умер на кресте; таким

образом, он избежал нечистых итогов проклятия и не возносился на небо. Это, по мнению Ахмада, подтверждается в Евангелии от Матфея 26:32 — выйдя из гробницы, Иисус отправился в Галилею пешком — 70 миль! — но вовсе не на небо).

Я молчал, потрясённый услышанным. В голове стоял звон, будто какой-то обезумевший пономарь забрался на колокольню и терзал сразу все колокола... Лоб горел как в лихорадке. Очевидно, Сэм заметил моё состояние и встревожено спросил, что со мной, в порядке ли я. По-английски это прозвучало как насмешка: «Are you okay?» Я не мог произнести ни слова, дыхание перехватило, в виске стучала настойчивая мысль: «Это сон, сейчас проснусь, и всё исчезнет». Но я не проснулся, всё было наяву. Откашлявшись, я сказал, вернее пробормотал сиплым голосом:

— Так ведь история целого мира радикально изменится. Что делать с этим? И потом... парадокс дедушки... как быть?..

— Ты имеешь в виду классический парадокс убитого дедушки? — поинтересовался Сэм. — Так вот, никаких сложностей не возникнет, наша программа не допускает таких накладок. Какое будущее реализуется — решает сверхкомпьютер, — он указал куда-то вбок и вниз, под землю, — в момент вмешательства в ход событий история разветвляется на вероятные возможности; реализуется вариант, выбранный нами. А в какой вселенной это произойдёт — неважно, главное, что в этом мире будем мы с тобой. Вот так...

(Нужно пояснить, что парадокс убитого дедушки — это временной парадокс, относящийся к путешествию во времени. Впервые описан в 1933 году в рассказе Натаниэля Шатнера «Голоса предков», затем в книге Рене Баржавеля «Неосторожный путешественник» и в ряде других работ, опубликованных в 1930—1940 годах. Сюжет «Неосторожного путешественника»: человек с помощью машины времени отправился назад в прошлое, где убил своего деда до того, как последний встретил бабушку путешественника. Результат предполагает, что один из родителей путешественника, а, как следствие, и сам путешественник, никогда бы не были рождены. То есть, в конечном итоге, он не мог бы путешествовать во времени, что, в свою очередь, означает, что его дед остался бы жив и путешественник был бы рождён, а это позволило бы ему путешествовать во времени и убить своего дедушку. Таким образом, каждая возможность подразумевает отрицание самой себя, создавая логический парадокс).

— Впрочем, — добавил он после короткой паузы, — кое-какие незначительные отличия между миром, из которого «объект» (будем называть нашего *путешественника* так) отбыл в прошлое, и миром, куда он вернулся, теоретически могут быть, но они не должны затронуть сам «объект» и его круг общения — людей, с которыми он контактировал до отбытия. А вообще-то, в соответствии с принципом самосогласованности твоего однофамильца — Новикова, вероятность изменить что-то уже совершившееся с путешественником близка к нулю. Вот мы — с твоей помощью — и проверим этот тезис, — закончил Сэм, усмехнувшись, как мне показалось, довольно ехидно.

(Погуглив, я выяснил, что принцип самосогласованности Новикова — способ разрешения парадоксов, связанных с путешествиями во времени, теоретически допускаемыми некоторыми решениями уравнений Эйнштейна. Суть его: при перемещении в прошлое вероятность действия, изменяющего уже случившееся с путешественником событие, будет близка к нулю. Сформулирован в середине 1980-х гг. астрофизиком и космологом И.Д.Новиковым, утверждающим, что существование замкнутых времениподобных линий не обязательно приводит к нарушению принципа причинности. События на такой линии могут влиять друг на друга по замкнутому циклу, то есть быть «самосогласованными»).

У меня в голове будто что-то звякнуло, и я совершенно отчётливо *увидел* несущийся прямо на меня автобус, разглядел даже лицо водителя (какое-то безжизненное, что ли), потом, как в замедленном кино, изгибающуюся раму окна, брызги стёкол, медленно летящие в лицо, *почувствовал* треск ломающихся рёбер и поглощающий сознание багровый туман... При этом

я осознавал, что всё это происходит не здесь и не сейчас, но липкий страх, навалившийся тяжёлой массой, парализовал волю... Я вырубился. Именно тогда возникла безумная мысль: «Я могу всё исправить. Нужно только не допустить, чтобы она села в эту маршрутку. Удержать её дома, уговорить не ехать, остаться». Возникнув, эта концепция навсегда поселилась в моей черепушке, стала идеей фикс...

— Вот, почитай кое-что об объекте твоей *миссии* — Пилате, — Сэм протянул мне стопку листов.

Я углубился в чтение. Вот что я узнал:

Понтий Пилат (лат. Pontius Pilatus; др.-греч. Πόντιος Πιλάτος) — римский государственный деятель, занимавший с 26 по 36 гг. I века н.э. должность префекта римской провинции Иудея. Прозвище «Пилат» (Pilatus) происходит, как обычно считается, от названия метательного копья или дротика (pilum) и означает, таким образом, «метатель копья». Видимо, это когномен (cognomen), третье имя, то есть прозвище, данное некогда кому-либо из представителей рода, которое затем часто переходило на потомков и становилось названием семьи или отдельной ветви рода (например: Crassus — Красс, Cicero — Цицерон, Caesar — Цезарь). Такое прозвище указывает на то, что кто-то из предков Понтия Пилата отличался в метании копья (либо в принципе хорошо метал копья, либо отличился удачным броском копья в каком-то конкретном сражении). Скорее всего, род Пилата по своей деятельности был связан с военной и государственной службой. Личное имя Понтия Пилата (praenomen) в известных нам источниках не зафиксировано. Родовое имя (nomen) Понтий указывает на то, что Пилат, вероятно, принадлежал к древнему знатному самнитскому роду Понтиев, который сохранял своё влияние в Самнии в течении столетий: один из его представителей, Гай Понтий, командовал самнитской армией ещё в битве при Кавдинском ущелье (321 до н.э.), а другой, Понтий Телезин, был одним из лидеров италиков во время Союзнической войны (91—88 до н.э.), а затем воевал против Суллы за автономию Самнии и погиб в битве у Коллинских ворот (82 до н.э.), после чего самниты, италийское племя, долго и упорно боровшееся против римского владычества в Италии, лишилось всех остатков автономии, а род Понтиев, или какая-то его ветвь, видимо, перестаёт быть оппозиционным Риму, став частью римской аристократии: предположительно, из этого рода происходят такие римские политические деятели как консул-суффект 144 г. Марк Понтий Лелиан Ларций Сабин и его сын, ординарный консул 163 г. Марк Понтий Лелиан.

Происхождение Пилата из рода Понтиев иногда оспаривают указанием на слова Иосифа Флавия (ок. 37 — ок. 100), согласно которым первый римский правитель провинции Иудея Копоний, занимавший этот пост в 6—9 гг. н.э., происходил из сословия всадников и занимал более низкое положение, чем наместник Сирии Публий Сульпиций Квириний (ок. 45 до н.э. — 21 н.э.), происходивший из числа сенаторов: «Область Архелая перешла под прямое правление Рима, и Копоний, римлянин из сословия всадников, был направлен туда прокуратором с полномочиями от Цезаря выносить смертный приговор» (Иосиф Флавий. Иудейская война. II.8.1); «Сенатор Квириний... явился в Сирию, куда его посылал император для того, чтобы творить суд и оценить всё имущество населения. Вместе с ним был послан и Копоний, происходивший из всаднического сословия. Ему была предоставлена верховная власть (прокуратора) над всею Иудеею. Затем в Иудею, которая тем временем вошла в состав Сирии, прибыл и Квириний, желая совершить общую перепись и конфисковать имущество Архелая» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. XVIII.1.1). Однако, неизвестно, сохранялся ли такой же порядок и во времена Понтия Пилата. Согласовать принадлежность Понтия Пилата к роду Понтиев и «всаднический» характер его должности префекта можно двумя путями: 1) либо следует признать, что встречающееся в литературе категоричное утверждение, что все наместники Иудеи I в. принадлежали к сословию всадников, а следовательно, всадником был и Понтий Пилат, прямого подтверждения в источниках не имеет, и в силу важного стратегического положения Иудеи Тиберий мог отправить туда человека более высокого статуса; 2) либо во времена Тибери-

рия род Понтиев (или какая-то из его ветвей) принадлежал к всадникам. Данных, которые исключали бы происхождение Понтия Пилата из рода Понтиев, нет.

— Кстати, обычая отпускать из-под стражи одного из приговорённых к смерти преступников в честь празднования Песаха в Иудее не существовало; это выдумка евангелистов, — сообщил Сэм. — И руки Пилат тоже не умывал, он, презиравший евреев и их обычаи, ни за что не стал бы этого делать — это просто фигура речи. Да, и Пилат был префектом, а не прокуратором — такой должности тогда не было, она появилась только в 44 году.

У меня был, видимо, совершенно отсутствующий вид, потому что Сэм удивлённо взглянул на меня и резюмировал:

— For if the king like not the comedy, why then, belike he likes it not, perdy (Раз королю не интересна пьеса, нет для него в ней, значит, интереса. — William Shakespeare. Hamlet)...

— Придётся тебе прослушать небольшую лекцию, — после обеда сообщил Сэм, ехидно ухмыльнувшись. — В масштабах околупланковской длины (около 10^{-43} см) всё пространство состоит из микроскопических «червоточин» и представляет собой, как её называют, «квантовую пену». Эта пена (также называемая пространственно-временной пеной) — понятие в квантовой механике, разработанное Джоном Уилером в 1955 году. Она задумана в качестве основы ткани Вселенной. В квантовой механике, и, в частности, в квантовой теории поля, принцип неопределённости Гейзенберга допускает возникновение на короткое время частиц и античастиц, которые затем аннигилируют без нарушения физических законов сохранения. Чем меньше масштаб исследуемой пространственно-временной области, тем больше энергия таких частиц, называемых виртуальными. Объединяя это наблюдение с общей теорией относительности Эйнштейна, можно заключить, что в малых масштабах энергия флуктуаций будет достаточной, чтобы вызвать значительные отклонения от гладкого пространства-времени и придать пространству-времени «пенистый» характер. В соответствии с этим постулатом, ткань пространства-времени — это кипящая масса червоточин и крошечных виртуальных чёрных дыр.

Теоретические предпосылки феномена *хронопутешествий* — довольно сложны для понимания гуманитария, коим ты, безусловно, являешься. Но вкратце (в первом приближении) это выглядит так. Наше пространство можно описать с помощью метрического тензора (или метрики). В общей теории относительности метрика рассматривается в качестве фундаментального гравитационного поля на четырехмерном многообразии физического пространства-времени. В соответствии с этой теорией, Вселенная имеет три пространственных измерения и одно временное, и все четыре измерения органически связаны в единое целое, являясь почти равноправными и, в определённых рамках, способными переходить друг в друга при смене наблюдателем системы отсчёта. Шопенгауэр уже 200 лет назад знал, что не может быть времени без пространства и наоборот (он писал в одном из своих трудов, что только во времени представление сосуществования невозможно; в другой своей половине оно обусловлено представлением пространства, таким образом, это представление возникает только из соединения времени и пространства). Так вот, заканчивая этот экскурс в основы мироздания, могу сказать, что у нас имеется способ поменять одно из измерений пространства и время местами (правда, это требует гигантских энергетических затрат, но это — детали). Тогда возникает возможность перемещаться во времени так же, как в пространстве, в любую сторону. Единственным препятствием для такого вояжа является второе начало термодинамики, представляющее собой закон об энтропии и её свойствах. Но пытливый ум придумал, как обойти его, то есть при замене координат обеспечить убывание энтропии; это сложно, я не буду разжёвывать детали. Главное, что прыжок во времени становится возможным. Сразу скажу, что реально передвигаться можно пока только в прошлое, и то на определённом отрезке, но это уже частности; возвращение в исходный момент времени гарантируется... Я надеюсь, ты представляешь, что такое рефлексия... нет, не в психологическом аспекте, а в физике? Нет? Я так и думал, — он усмехнулся. — В физике понятие рефлексии используется в рамках квантовой теории. В

отношениях физического наблюдателя, измерительного прибора и измеряемой системы можно различать несколько теоретических позиций. Согласно одной из них квантовое измерение — это частный случай взаимодействия квантовых систем. Для всех практических нужд в квантовой теории достаточно перечисления вероятностей исходов экспериментов, способности теории предсказать исход будущего эксперимента по результатам прошедших. Одна из главных трудностей в реализации этих представлений — это обратимость времени в уравнении Шрёдингера (описывающее изменение в пространстве и во времени чистого состояния, задаваемого волновой функцией), его линейность и детерминистический характер или необратимость времени на макроуровне. Некой... скажем, развитой цивилизации удалось согласовать это противоречие в микро- и макром мире. Понял что-нибудь?

— Не очень, — честно признался я. — Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий, — процитировал я Козьму Пруtkова. У меня возникло сильное подозрение, что хитрый еврей просто-напросто стёбётся надо мной, впаривая откровенную *лабуду*. — Но ведь вы всё рассчитали, да?

— Ну, в общем, да. — Сэм улыбнулся и похлопал меня по плечу. — Не дрейфь, всё получится в лучшем виде.

— У меня... вопрос, — я взглянул Сэму в лицо, — когда я, выполнив *задание*, вернусь... обратно, куда денутся все атрибуты христианской эпохи: церкви, литература, картины, скульптуры и прочее? Они же, получается, не возникнут вообще. А люди, христиане, целый миллиард? Кстати, среди моих знакомых их немало...

— Serge, ты не должен копаться в этом (оно тебя тревожит, я понимаю), но всё устроится наилучшим образом, можешь мне поверить.

— Уже поверил, — широко улыбнувшись, отвечал я, хотя это было совсем не так. — А скажи мне, Сэм, вы как-нибудь... уже опробовали *машины*? Ну, к примеру, на морских свинках? — Я заставил себя снова улыбнуться.

— Было одно контрольное перемещение неодушевлённого предмета — механических часов — на три часа назад. Как думаешь, что показали часы, пробыв 10 минут в прошлом?... Правильно, после возвращения они спешили на те же 10 минут. Короче, работоспособность *машины* подтверждена... — он помолчал.

— Давай договоримся вот о чём, — Сэм прищурился, — ты выполняешь наше маленькое *задание*, возвращаешься, и мы предоставляем *time machine* в твоё распоряжение для выполнения *твоей* сверхзадачи, — слово «твоей» он выделил голосом. — Насколько я понимаю, это твоё второе *путешествие* будет гораздо короче, меньше десяти лет... не так ли?

Я попытался сглотнуть, в горле пересохло, стало больно...

Мне вдруг вспомнился фильм «Четвёртая планета», главный герой которого хочет изменить прошлое. (В этом фильме Дмитрия Астрахана космическая экспедиция прибывает на Марс, где обнаруживается небольшой советский городок. Оказывается путешественники попали в собственное прошлое. До них доходит, что здесь существует «мыслящее поле», исполняющее желания. Командир решает остаться, чтобы попытаться спасти любимую девушку, убитую 20 лет назад. Сюжет — переделка шестой части «Марсианских хроник» Рэя Брэдбери). А ведь по сути я здесь по той же причине...

В начале октября мы с Майком и Дашей ездили в Иерусалим на экскурсию, чтобы я мог проникнуться местом, куда мне предстояло отправиться. Постояли у Стены Плача — оставшейся части ограды Храма, посетили Храм Гроба Господня на Голгофе, прошли по Виа Долороза, повторяя путь Спасителя, посмотрели на Купол Скалы (первоначально — дом для паломников, теперь — мечеть Массджид Куббат ас-Сахра), зашли в Церковь всех наций в Гефсиманском саду, сфотографировали Башню Давида при входе в Старый город и Дамаскские ворота, закончили экскурсию в Археологическом музее Рокфеллера. Пообедали в «Coffee Nadi» на Хилел-стрит и к концу похода устали, как черти, ноги гудели, но все остались

довольны. Обратно, в Мегиддо, приехали уже затемно, по дороге Даша дремала на заднем сидении, а я осмысливал увиденное, представляя всё это, но с поправкой на минус двадцать веков...

— Вариант, описанный Анатолем Франсом в новелле «Прокуратор Иудеи», кажется мне наиболее правдоподобным, — сказал Майк. — Я напому тебе. Старый приятель Пилата, бывший с ним в Иудее, Элий Ламия, через много лет встретивший его на курорте, в конце рассказа говорит Пилату: «Я знал в Иерусалиме одну иудейку (намёк на Марию Магдалину) ... Я любил её варварские пляски, её песни, гортанные и в то же время ласкавшие слух, запах фимиама, исходивший от неё, дремоту, в которой она, казалось, жила. Я повсюду следовал за ней, смешиваясь с толпой солдат, филяров, откупщиков, которыми она всегда была окружена. Потом она вдруг исчезла, и больше я её не видел. Долго я разыскивал её по грязным закоулкам и в тавернах. От неё было труднее отвыкнуть, чем от греческого вина. Прошло несколько месяцев — и я случайно узнал, что она присоединилась к кучке мужчин и женщин, последователей молодого галилейского чудотворца. Звали его Иисус Назарянин. Потом за какое-то преступление его распяли на кресте. Понтий, помнишь ты этого человека?

Понтий Пилат нахмурился и поднес руку ко лбу жестом человека, роющегося в памяти. После нескольких секунд молчания он произнёс:

— Иисус? Иисус Назарянин? Нет, что-то не помню».

(Вскоре я прочёл рассказ Франса и выяснил, что ирония в рассказе воплощена не только словесно, но и в сюжете. Рассказ строится как обширная и неторопливая экспозиция к неожиданному пуанту, служащему финалом. Последний эпизод рассказа является особенно значимым и тщательно выверенным с точки зрения языка. Неточность перевода здесь может привести к изменению понимания всего произведения. Позиция беспристрастного наблюдателя не позволяет сделать однозначного вывода о том, было ли правдивым или неискренним заявление Пилата о том, что он не помнит человека по имени Иисус. Для Франса подобная двойственность интерпретации является принципиальной, и смещение акцента в переводе противоречит авторскому замыслу. Переводы же приводят к разрушению системы точек зрения оригинала и ослабляют иронию — один из стилеобразующих принципов Анатоля Франса).

Как там у Шаламова: через 17 лет Пилат не вспомнил Иисуса...

В некогда прочитанной мною статье о Туринской плащанице, опубликованной в журнале «Химия и жизнь» (1991 №12), Лев Верховский пишет:

Предположим, что в плащаницу было завернуто тело человека, подвергшегося распятию, но не погибшего на кресте... Судя по отпечаткам на ткани, из ран завернутого в неё человека текла кровь; значит, у него билось сердце — он был жив. Можно предположить, что при длительной экспозиции горячего, воспалённого тела получилось его тепловое фото на ткани. Более горячие места ран вызвали большее потемнение, что видно на плащанице...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.